

Лауреат
Нобелевской премии
по литературе

НОВАЯ
ЖИЗНЬ

Орхан Памук

PREMIUM

Орхан Памук

Новая жизнь

Серия «Азбука Premium»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634868

*Орхан Памук. Новая жизнь: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10428-0*

Аннотация

Орхан Памук – известный турецкий писатель, обладатель многочисленных национальных и международных премий, в числе которых Нобелевская премия по литературе. В центре самого загадочного романа писателя «Новая жизнь» – таинственная Книга, которая выбирает читателя самостоятельно и лишает его всех привычных жизненных ориентиров, возбуждая непреодолимую страсть к путешествию и поиски другой, более истинной реальности. Прочитав Книгу, студент Осман отправляется в путешествие по Турции. Пересаживаясь с автобуса на автобус, бродя по пустынным пыльным дорогам, отдыхая в заброшенных на край мира кафе, он движется вперед, «вот-вот ожидая познать тайну скрытой, никем не познанной геометрии, именуемой жизнью».

Содержание

1	7
2	25
3	47
4	64
5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Орхан Памук

Новая жизнь

Посвящается Шекюре

*Хотя все они слушали одни и те же сказки, те
никогда не переживали ничего подобного.*

Новалис

Orhan Pamuk

YENI HAYAT

Copyright © 1994, İletişim Yayınları A.Ş.

© А. Аврутина, перевод, 2009

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

И пока я читал, мой взгляд превратился в слова книги, а слова книги стали моим взглядом. Глаза мои, ослепленные ярким светом, перестали отличать мир в книге от книги в мире. Словно единая вселенная, все сущее, все цвета и предметы помещались в книгу, среди слов, а я, счастливый и изумленный, читая, разумом

воплощал все это в реальности. Продолжая читать, я все больше и больше понимал: все, о чем рассказывает мне книга – сначала шепотом, затем пронзительно, почти причиняя физическую боль, – хранилось там, в глубине моей души, уже многие годы. Я обретал клад, много веков пролежавший на дне океана книги, и поднимал его на поверхность; мне хотелось сказать: «Теперь он принадлежит и мне тоже!» Когда я дошел до конца и читал последние страницы, мне захотелось сказать: «И я об этом думал». Позже, когда я полностью погрузился в мир книги, я увидел смерть, явившуюся, точно Ангел, среди тьмы и сумерек. Свою собственную смерть...

Необыкновенный, гипнотический роман, напоминающий одновременно интеллектуальные лабиринты Борхеса и восторженный лиризм Габриэля Гарсиа Маркеса.

Wall Street Journal

Эксцентричная и увлекательная книга, достойная лучших произведений выдающегося писателя.

Kirkus Reviews

Орхан Памук в очередной раз демонстрирует свое мастерство, не раскрывая, а скорее изображая во всей полноте и силе тайные глубины человеческой личности. Kirkus Reviews «Новая жизнь» напоминает рассказы Борхеса особым игровым подходом к реальности, подчеркиванием иллюзорных сторон бытия. Другая схожая деталь: в центре вселенной героев романа

Памука, как почти везде у великого аргентинца,
находится таинственная, всемогущая Книга.

The New York Times Book Review

1

Однажды я прочитал книгу, которая изменила мою жизнь. Еще читая первые страницы, я ощутил такую ее силу, что мне показалось, будто тело мое отрывается от стола, за которым я сидел, и улетает. И тем не менее именно в этот момент я ощущал всем своим существом, каждой его частичкой, что крепче, чем когда-либо, продолжаю сидеть на стуле, за столом, а книга по-прежнему воздействует не только на душу мою, но и на все, что делает меня мною. И таким сильным было это влияние, что казалось мне – со страниц книги бьет в лицо фонтан света, и свет этот ослепляет мой разум и заставляет его сиять. Я думал, что с помощью света воссоздам самого себя, я чувствовал – с ним я смогу оставить нынешний путь: в том свете я видел отблески будущей жизни, в которую мне предстояло войти и которую предстояло познать. Я сидел за столом и понимал отчасти, краешком сознания, что сижу и переворачиваю листы книги, – а пока менялась моя жизнь, я читал новые слова, новые страницы. Потом я вдруг почувствовал себя настолько беспомощным, настолько не готовым к тому, что должно произойти, что, повинуясь интуиции, отстранился от книги, словно хотел укрыться от бившей из нее силы. И тут я со страхом заметил, что мир вокруг изменился, и меня охватило такое чувство одиночества, какого до нынешнего момента я не испы-

тывал никогда. Я словно оказался в далекой стране – один, не зная ни языка, ни традиций, ни географии.

Ощущение безысходности, навеянное этим одиночеством, еще сильнее привязало меня к книге. Ей предстояло подсказать мне, что я должен делать в этой незнакомой стране, во что должен верить, что должен увидеть, – ей предстояло показать путь, по которому пойдет моя жизнь. Переверачивая страницу за страницей, я читал теперь книгу так, будто она была путеводителем, что указывает дорогу в чужой, дикой стране. Мне хотелось попросить ее: «Помоги мне, книга, помоги обрести новую жизнь, без горя и бед». Но я знал, что жизнь эта творится словами книги... Вчитываясь в каждое из них, я пытался найти свой путь и, замирая, представлял неизбежные чудеса, что уведут меня со старой тропы.

Все это время книга лежала на столе – от нее исходило сияние, но она казалась хорошо знакомой, привычной вещью, похожей на многие другие в моей комнате. Я заметил это, с изумлением и радостью встречая новую жизнь, новый мир, раскрывшийся передо мной, – ведь книга, что изменит мою жизнь, на самом деле представлялась обычной. Пока разум медленно воспринимал чудеса и страхи нового мира, обещанные книгой, я опять задумался о случайности, приведшей меня к ней, но эти воспоминания были поверхностны. Я все читал и читал, но вдруг у меня появились некоторые опасения: новый мир, показанный мне книгой, был настолько чуждым, настолько чудным и удивительным, что я, опасаясь

погрузиться в него полностью, с тревогой пытался ощутить хотя бы что-нибудь, связанное с настоящим. В душе моей рос страх: а если я отвлекусь от книги и посмотрю на свою комнату, на шкаф, на кровать и выгляну на улицу, – вдруг я увижу мир не таким, как видел его в последний раз?

Минуты, страницы следовали одна за другой, – вдалеке проходили поезда, я слышал, как мать вышла из дома и через какое-то время вернулась; я слушал обычный гул города, звон колокольчика продавца йогуртов, прошедшего мимо дома, шум машин, но все знакомые звуки слышались мне чужими. Я слышал, что какое-то время на улице лил дождь, но одновременно с этим доносились голоса девочек, прыгавших через скакалку. Мне показалось, погода проясняется, но по стеклу окна стекали капли дождя. Я прочитал следующую страницу, затем еще и еще; я видел свет, струившийся от порога иной жизни; я видел все то, что знал до сих пор и чего не знал. Я увидел свою будущую жизнь и путь, по которому, как мне представлялось, теперь пойдет она...

Я медленно переворачивал страницы, и в это время мир, о существовании которого я прежде ничего не знал, не думал и не догадывался, проник в мою душу и поселился в ней. То многое, что я до сих пор знал и о чем размышлял, превратилось в ничего не стоившие мелочи, а все то, чего я не знал, возникло из ниоткуда и предстало мне в виде знаков. Если бы в этот момент у меня спросили, чего я не знаю и что это за знаки, я бы, наверное, не ответил, ибо понимал, что,

читая, медленно иду по дороге, с которой нет пути назад, я чувствовал, что потерял всякий интерес к тому, что оставил позади. Новая жизнь, открывавшаяся передо мной, так заинтересовала и взволновала меня, что все казалось мне заслуживающим внимания. Я уже изнемогал от любопытства, но туманность и многообразие того, что мне предстояло, породило во мне какой-то страх.

Я испугался, узрев в идущем из книги свете утратившие былую роскошь гостиницы, бешено несущиеся автобусы, усталых людей, поблекшие буквы, сгинувшие города и людские жизни, — я увидел призраков. Речь шла о путешествии; книга рассказывала о путешествии. Я почувствовал взгляд, все время преследовавший меня во время этого путешествия, — казалось, он вот-вот появится передо мной, в самый неожиданный момент, но он исчезал, и мне приходилось искать его. Мягкий взгляд, давно избавившийся от выражения вины, греха... Я бы хотел стать тем взглядом. Я бы хотел оказаться в мире, который видел тот взгляд. Я так желал этого, что мне хотелось верить, будто я живу там. Нет, верить уже было не нужно — теперь я жил в том мире. А раз я там жил, значит книга рассказывала обо мне: кто-то до меня уже владел моими мыслями, а завладев ими, записал их.

Именно поэтому я понял: в словах заключен один смысл, но говорят они о другом. Ведь я с самого начала ощущал, что книга написана для меня. И каждое слово, каждая фраза воздействовали на меня именно поэтому. Не из-за того,

что слова, переливаясь и сияя, казались волшебными, нет; я чувствовал – книга рассказывает обо мне. А осознать, каким образом я это понял, я не мог. Возможно, я понял, но забыл – ведь я пытался отыскать свой путь – среди смертей и исчезнувших знаков.

И пока я читал, мой взгляд превратился в слова книги, а слова книги стали моим взглядом. Глаза мои, ослепленные ярким светом, перестали отличать мир в книге от книги в мире. Словно единая вселенная, все сущее, все цвета и предметы помещались в книгу, среди слов, а я, счастливый и изумленный, читая, разумом воплощал все это в реальности. Продолжая читать, я все больше и больше понимал: все, о чем рассказывает мне книга – сначала шепотом, затем пронзительно, почти причиняя физическую боль, – хранилось там, в глубине моей души, уже многие годы. Я обретал клад, много веков пролежавший на дне океана книги, и поднимал его на поверхность; мне хотелось сказать: «Теперь он принадлежит и мне тоже!» Когда я дошел до конца и читал последние страницы, мне захотелось сказать: «И я об этом думал». Позже, когда я полностью погрузился в мир книги, я увидел смерть, явившуюся, точно ангел, среди тьмы и сумерек. Свою собственную смерть...

В тот миг я понял, что моя жизнь удивительным образом обогатилась, но тогда я боялся одного – расстаться с книгой. Меня не пугала мысль, что, взглянув на мир, на окружающие предметы, на комнату, я не сумею увидеть того, о чем

рассказывала книга. Я держал ее двумя руками, вдыхая запах бумаги и чернил, — как в детстве, когда читал журналы с картинками. Книга пахла так же.

Я встал из-за стола, подошел к окну, прижал лоб к холодному стеклу и выглянул на улицу, как делал, когда был маленьким. Грузовик, стоявший на противоположной стороне улицы пять часов назад — тогда я положил на стол книгу и начал читать, — уже уехал. Из машины выгрузили зеркальные шкафы, массивные столы, журнальные столики, коробки, торшеры — в пустую квартиру напротив въезжала новая семья. Занавески еще не повесили, и в свете яркой электрической лампы без абажура я увидел, как родители средних лет — на вид моего возраста — вместе с сыном и дочкой ужинали перед включенным телевизором. У девушки были светло-каштановые волосы, экран телевизора светился зеленым светом.

Некоторое время я смотрел на новых соседей, мне нравилось наблюдать за ними — возможно, потому, что их лица были новыми для меня. И еще потому, что это рождало во мне чувство защищенности. Мне не хотелось признаваться в том, что старый, знакомый мир вокруг меня изменился, но теперь мне было ясно: и улицы уже не те, и комната моя изменилась, и мама, и друзья мои стали другими. Казалось, во всем теперь ощущалась какая-то враждебность, некая угроза, но я вряд ли смог бы сказать, откуда она исходит... Я отступил на шаг от окна, но и к книге, чей зов я чувствовал,

вернуться не смог. За моей спиной, на столе, лежало то, что должно изменить мою жизнь. И как бы я ни старался избежать этого, все теперь начиналось там, среди книжных строк. Мне лишь предстояло вступить на новый путь.

Видимо, в какой-то момент чувство оторванности от прошлой жизни показалось мне столь пугающим, что мне захотелось, чтобы все текло как прежде. Мне хотелось обрести покой, представить, что со мной не происходит ничего страшного. Но в глубине души я знал: книга существует, и это ощущение ее было настолько сильным, что я понял – возврата к прежней жизни нет.

Так что, когда мама позвала меня ужинать, я вышел из комнаты и, точно чужак, который пытается освоиться в новом мире, сел за стол и попытался с ней поговорить. Телевизор был включен, на тарелках лежали картошка с рубленным мясом, лук-порей с оливковым маслом, салат из зелени и яблоки. Мама рассказывала о новых соседях, только что поселившихся напротив, о рынке, о дожде, о новостях по телевизору, о ведущем новостей. Сказала, что я – молодец: сел работать после обеда и все это время провел за столом. Я любил мать – она была красивой, деликатной и понимающей женщиной, – и я почувствовал себя виноватым, потому что, прочитав книгу, попал в мир, далекий от нее.

Если бы книга была написана для всех, рассуждал я, то, вероятно, жизнь вокруг наверняка давно бы изменилась. Но, с другой стороны, столь разумный студент-технар, каким

был я, живущий по законам логики, никак не мог смириться с мыслью, что книга написана для него одного. Тогда как жизнь могла течь по-старому? Мне было страшно даже подумать, что книга – это какая-то загадка, предназначенная только для меня. Позже, когда мама стала мыть посуду, мне захотелось помочь ей, прикоснуться к ней, вернуть свой внутренний мир в настоящее время.

– Сынок, оставь, оставь, я помою, – сказала она.

Я недолго посмотрел телевизор. Может быть, я смог бы попасть в мир телевизора, а может быть, смог бы сломать его одним пинком. Но телевизор был нашим, домашним телевизором – чем-то вроде домашнего бога и своего рода лампы. Я надел пиджак и ботинки:

– Я выйду.

– Когда ты вернешься? – спросила мама. – Тебя ждать?

– Не жди. Ты всегда засыпаешь перед телевизором.

– Ты погасил свет в комнате?

Я вышел на улицы своего детства, где прожил двадцать два года, но мне показалось, будто я очутился на чужих, полных опасностей улицах, в незнакомой стране. Лицо ощутило влажный декабрьский холод, и я сказал себе, что, наверное, все же что-то перешло из старого мира в новый. И сейчас мне, шагая по мостовым и по улицам моей жизни, предстояло это узнать. Мне захотелось побежать.

Я быстро шел по темным тротуарам – мимо огромных мусорных контейнеров, вдоль стен и заборов, по грязным лу-

жам, и каждый сделанный мною шаг свидетельствовал о том, что новый мир становится реальностью. Платаны и тополя, которые я помнил с детства, на первый взгляд казались такими же, как раньше, но сила связывавших меня с ними воспоминаний и ассоциаций пропала. Я смотрел на усталые деревья, на знакомые двухэтажные здания, на грязные жилые дома (как их строили, я видел в детстве, начиная с рытья котлована под фундамент и кончая укладкой черепицы; там я играл с новыми друзьями) не как на неотъемлемую часть моей жизни, а как на фотографии, забыв, когда и почему они были сделаны. Я смотрел на них и узнавал по теням, по освещенным окнам, по деревьям в садах, по буквам и знакам на входных дверях, но я совершенно не ощущал силы знакомых мне предметов. Старый мир был здесь, передо мной, рядом со мной, на улицах, вокруг меня: в знакомых витрах бакалейной лавки, в пекарне на площади перед вокзалом Эрэнкёй,¹ где все еще горели огни, в лавке зеленщика, где стояли ящики с фруктами, в кондитерской «Жизнь», в старых грузовиках, плащах, в темных усталых лицах прохожих. От вида этих теней, трепетавших в ночных огнях, стало холодно на сердце – там лежала книга, я будто скрывал что-то преступное. Мне хотелось бежать от этих знакомых улиц, делавших меня самим собой, от печали мокрых деревьев, от неоновых букв, отражавшихся на асфальте и в лужицах воды на мостовых, от ламп овощных и мясных лавок. Подул легкий

¹ Эрэнкёй – район в азиатской части Стамбула. (Здесь и далее примеч. перев.)

ветерок, с веток закапало, я услышал какой-то гул и решил, что книга – это дарованная мне тайна. Меня охватил страх, мне захотелось с кем-нибудь поговорить.

Я вошел в кофейню «Молодость», находившуюся на площади перед вокзалом, где некоторые из моих приятелей по кварталу все еще собирались по вечерам и играли в карты, смотрели по телевизору футбол или просто приходили, чтобы встретиться друг с другом, – они сидели там часами. Мой знакомый студент университета, работавший в лавке своего отца-сапожника, и еще один мой приятель по кварталу, игравший в футбол в любительской команде, сидели за столом у самой стены и болтали. На их лицах играли блики черно-белого телевизора. Я заметил прочитанные газеты с расстрепанными страницами, два чайных стаканчика, сигареты и бутылку пива, которую они купили у бакалейщика, а теперь спрятали под столом на одном из стульев. Мне нужно было с кем-то поговорить, и проговорить не один час, но я сразу же понял, что с этими двумя не смогу разговаривать. Меня внезапно охватила такая печаль, что на глаза навернулись слезы, но я гордо вытер их: людей, которым я открою свою душу, мне предстояло выбрать из тех, кто уже жил в мире книги.

Так мне удалось поверить, что я являюсь полноправным хозяином своего будущего, но я знал, что сейчас моим хозяином была эта книга. Книга не только проникла в мое сердце, точно какая-то тайна и грех, из-за нее я утратил возможность говорить – я жил словно во сне. Куда исчезли похожие

на меня тени, с которыми я мог бы поговорить, где находится страна, в которой я смогу обрести мечту, вызывавшую к моему сердцу, куда пропали те, кто читал эту книгу?

Я перебрался через железнодорожные пути, прошел по переулкам, наступая на опавшие желтые листья, прилипшие к асфальту. Внезапно я ощутил прилив сил: если бы я все время так шел, шел быстро, не останавливаясь, если бы я отправился в путь, то, наверное, я бы добрался до мира книги. Однако новая жизнь, чье биение я ощущал в своей душе, была где-то очень далеко, в стране, которую, видимо, невозможно разыскать, хотя я чувствовал, что приближаюсь к ней. По крайней мере, я пытался оставить прежнюю жизнь позади.

Когда я дошел до песчаного берега, я с изумлением увидел, что море кажется совершенно черным. Почему я раньше не замечал, что Мраморное море по ночам такое темное, такое жестокое и безжалостное? Все вокруг словно разговаривало на своем языке, и в том мимолетном безмолвии, куда влекла меня книга, я вдруг начал различать этот разговор. На миг я почувствовал, сколь торжественно тихо море, словно ощутил неотступность собственной смерти, которую увидел внезапно, читая книгу, но сейчас у меня не было ощущения того, что «всему пришел конец», как бывает, когда действительно приходит смерть: скорее, это было любопытство и волнение человека, который только начал жить.

Я бродил по песчаному берегу. В детстве с ребятами

из квартала мы всегда что-то искали здесь среди консервных банок, пластмассовых мячей, бутылок, пляжных тапочек, прищепок, электрических лампочек и резиновых пупсов, что кучами выносило на берег море после штормов. Мы искали волшебный клад, что-то сверкающее, удивительное, а что именно – мы не знали. На мгновение мне показалось, что, если мои глаза, озаренные светом книги, заметят и внимательно посмотрят на любой предмет старого мира, они смогут превратить его в ту волшебную вещь, которую мы искали детьми. В то же время я вдруг почувствовал столь пронзительное одиночество, навеянное книгой, что я подумал: темное море сейчас поднимется и поглотит меня.

Тревога овладела мной, и я зашагал быстрее, но не для того, чтобы с каждым шагом видеть реальность нового мира, а для того, чтобы как можно скорее оказаться в комнате наедине с книгой. Я почти бежал к дому, я уже казался себе неким существом, созданным из струившегося из книги света. И это меня успокаивало.

* * *

У отца был хороший друг, его ровесник, который много лет проработал на Государственной железной дороге и дослужился до должности контролера; кроме того, он писал в журнал «Железная дорога» полные энтузиазма статьи о профессии железнодорожника. Более того, он писал, сам иллю-

стрировал и издавал детские комиксы в серии «Детская неделя приключений». В те дни я часто прибежал домой и с головой погружался в комиксы вроде «Питер и Пертев» или «Камер в Америке», подаренные мне дядей Рыфкы, но у историй этих был одинаковый конец. На последней странице всегда, как в кино, было написано пять букв: «Конец» – и, когда я читал эти пять букв, я не только оказывался за границью страны, в которой мне так хотелось остаться, но и с болью понимал, что эту волшебную страну выдумал контролер железной дороги, дядя Рыфкы. А сейчас я знал, что в книге, которую я спешил вновь почитать, все было настоящим, и поэтому я нес ее в своем сердце, а мокрые улицы, по которым я бежал, казались мне нереальными, – они были частью какого-то скучного задания, данного мне в наказание. Ведь книга – мне так казалось – говорила о том, для чего я существую в этом мире.

Я прошел железную дорогу и уже огибал мечеть, как вдруг заметил, что сейчас наступлю в лужу: я попытался перескочить через нее, но нога за что-то зацепилась, я споткнулся и растянулся на грязном асфальте.

Я тут же поднялся и уже было собирался идти дальше, как вдруг какой-то бородатый старичок, видевший, что я упал, сказал:

– Ой, как ты плохо упал! Тебе больно?

– Да, – ответил я. – Вчера у меня умер отец. Сегодня похоронили. Был он настоящим дерьмом, все время пил, бил

мать, не хотел, чтобы мы здесь жили, и я много лет прожил в Виран-Баге.²

Откуда я взял этот город, Виран-Баг? Наверное, старик понял, что я вру, но я вдруг почувствовал себя жутко сообразительным. Я не понял – то ли из-за быстрой лжи, то ли из-за книги, то ли из-за растерянного лица старика, но я сказал себе: «Не бойся, не бойся, иди вперед! Тот мир, мир из книги, – истинный мир!» Но мне было страшно...

Почему?

Потому что я слышал, что бывало с людьми вроде меня, у которых жизнь пошла под откос из-за одной лишь книги. Я слышал истории о тех, кто, прочитав за одну ночь книгу «Основные принципы философии» и поверив каждому ее слову, на следующий день вступали в ряды «Пролетарских революционных пионеров», а через пару дней их ловили во время ограбления банка, и на ближайшие десять лет с ними все было ясно. Я знал и о тех, кто, начитавшись книг вроде «Ислам и новая мораль» или «Коварство европеизации», тут же перебирались из пивной в мечеть и на холодных, как лед, коврах, вдыхая аромат розовой воды, начинали терпеливо ожидать смерть, которой предстояло прийти лишь пятьдесят лет спустя. Я даже был знаком с некоторыми, кого увлекли книги под названием «Свобода любви» и «Познай себя», – хотя они были из тех, кто больше доверяет знакам зодиака, даже они могли совершенно искренне сказать: «Эта книга за одну

² Виран-Баг – букв. «разоренный сад» (тур.).

ночь изменила всю мою жизнь!»

На самом деле меня беспокоило не это: я боялся одиночества. Я боялся того, что вполне может натворить такой дурень, как я: боялся, что неправильно понял книгу, боялся, что поверхностно восприму ее или, если надо, не смогу воспринять поверхностно, боялся быть не таким, как все; я боялся, что буду задыхаться от любви, боялся познать тайну всего сущего, но выглядеть при этом смешным, всю жизнь рассказывая об этой тайне тем, кто вовсе не хотел ничего знать; я боялся попасть в тюрьму и боялся казаться чокнутым, боялся понять, в конце концов, что мир гораздо несправедливее, чем я думал; боялся, что не смогу заставить красивых девушек влюбляться в меня. Ведь если все написанное в книге правда, если жизнь такая, как написано о ней на тех страницах, если такой мир возможен, то совершенно непонятно, почему люди все еще ходят в мечеть, тратят свою жизнь на болтовню в кофейнях и каждый вечер, чтобы не умереть от скуки, сидят у телевизора, не желая и занавески-то на своих окнах задернуть полностью только лишь потому, что на улице может произойти что-то интересное: например, промчится автомобиль, или лошадь вдруг заржет, или какой-нибудь пьяница устроит драку.

Я не помню, когда я заметил, что квартира на втором этаже, на окна которой я уже долгое время смотрю сквозь неплотно задернутые занавески, — дом дяди Рыфки с железной дороги. Сам того не понимая, я, кажется, подсознательно

передавал ему привет в преддверии начала моей новой жизни. У меня появилось странное желание – еще раз взглянуть на все предметы, что я видел у него дома, когда мы с отцом в последний раз приходили к нему: на канареек в клетке, на стенной барометр, на развешенные по стенам фотографии с железной дороги в аккуратных, изготовленных на заказ рамочках, увидеть еще раз буфет со стеклянными дверцами, часть которого занимали рюмки для ликера, миниатюрные вагоны, серебряная сахарница, компостер контролера, медали за службу на железной дороге, а в другой части были расставлены несколько десятков книг; стоявший на буфете самовар, которым никогда не пользовались, игральные карты на столе... Сквозь приоткрытые занавески я видел отсвет телевизора, но самого телевизора в комнате не видел.

Внезапно я почувствовал странную решимость и забрался на забор, отделявший сад у дома от улицы, и увидел телевизор, который смотрела вдова контролера дяди Рыфки, тетя Ратибе. Глядя в телевизор, развернутый под углом сорок пять градусов к пустовавшему креслу ее мужа, она ссутулилась, совсем как моя мама, но мама всегда вязала, а она курила, сильно дымя.

Дядюшка Рыфки умер два года назад, на год раньше моего отца, скончавшегося от сердечного приступа, но он умер не своей смертью. Однажды вечером его застрелили, по дороге в кофейню, убийцу так и не поймали. Говорили, что это убийство на почве ревности, но мой отец никогда не верил в

эти сплетни. Детей у них не было.

* * *

Глубоко за полночь — мама уже давно заснула, я сидел за столом как истукан и смотрел в книгу, лежавшую передо мной; волнуясь и испытывая воодушевление, я забывал обо всем, что каждую ночь делало наш квартал моим: я забыл гаснущие огни квартала и города, печаль пустынных и мокрых улиц, выкрики проходившего последний раз по кварталу торговца бузой,³ некстати раскаркавшихся ворон, терпеливый стук колес длинных товарных поездов, тронувшихся в путь только после того, как прошла последняя электричка, и всецело отдался свету, льющемуся из книги. И все то, что до этого дня составляло мою жизнь и питало мое воображение, полностью стерлось из моего сознания: кинотеатры, однокурсники, ежедневные газеты, газировка, футбольные матчи, столы в аудитории, стамбульские паромы, красивые девушки, мечты о счастье, моя будущая возлюбленная, жена, мой стол на будущей работе, утренние часы и завтраки, билеты на автобус, незначительные проблемы, задания по статике, которые я не успевал делать, старые брюки, лицо и пижамы, ночи, возбуждавшие меня журналы, сигареты и даже верная кровать, ожидавшая меня за спиной, чтобы

³ *Буза* — напиток из проса.

даровать самое надежное забытие, – все это исчезло из моего сознания, и я увидел, что я гуляю – гуляю там, в стране, рожденной из света.

На следующий день я влюбился. Любовь потрясла меня так же, как свет, лившийся из книги, она со всей очевидностью доказала мне, что моя жизнь давно идет по другому пути.

Утром, едва проснувшись, я мысленно проанализировал все произошедшее со мной вчера и сразу же понял, что открывшаяся передо мной новая страна – вовсе не плод воображения, а такая же реальность, как мое тело, руки, ноги. И чтобы спастись от нестерпимого чувства одиночества, охватившего меня в этом новом мире, нужно было непременно разыскать тех, кто похож на меня.

Ночью выпал снег – он лежал на окнах, на мостовых, на крышах. Из-за белизны ледящего света с улицы раскрытая книга на столе выглядела еще безгрешнее и чище и поэтому казалась более зловещей.

Мне все же удалось, как и каждое утро, позавтракать вместе с мамой, вдыхая запах поджаренного хлеба, перелистать газету «Миллийет»⁴ и просмотреть статью Джеляля Салика.⁵ Вроде все шло как и прежде. Я съел немного брынзы, выпил чаю и улыбнулся, глядя на веселое мамино лицо. Чашка,

⁴ «Миллийет» («Нация») – одна из центральных ежедневных турецких газет.

⁵ Герой романа О. Памука «Черная книга».

чайник, звон чайных ложек – все, казалось, говорило о том, что жизнь не изменилась, но я не поддался обману. Я был настолько уверен, что мир стал другим, что, выходя из дома, не постеснялся надеть старое тяжелое пальто отца.

Я отправился на вокзал, сел на поезд, сошел с него, успел на паром, прыгнул на пристань в Каракёе,⁶ протолкавшись локтями сквозь толпу, поднялся по лестнице, вскочил в автобус, доехал до Таксима⁷ и пошел было в сторону Ташкышла, но вдруг остановился и посмотрел на цыган, торговавших на улице цветами. Могу я поверить, что жизнь идет как прежде, могу забыть, что читал книгу? Мысль эта вдруг показалась мне столь ужасной, что захотелось бежать.

На лекции по сопротивлению материалов я тщательно перерисовывал с доски в тетрадь схемы, цифры и формулы. Когда лысый профессор ничего не писал, я, скрестив руки, слушал его мягкий голос. Слушал ли я его на самом деле? Или делал вид, что слушал, как делали все, играя роль студентов архитектурного факультета Технического университета? Я не знаю. Потом я почувствовал, сколь нестерпимо безнадежным был старый, привычный мир, и сердце мое забилось, а голова закружилась, будто по жилам текла отравленная кровь, – трепеща от удовольствия, я ощутил, как по всему телу, от затылка, медленно разливается сила света, выходящего из книги. Новый мир давно упразднил все сущее

⁶ Каракёй – район в азиатской части Стамбула.

⁷ Таксим – район и площадь в европейской части Стамбула.

и перевел настоящее время в прошедшее. Все, что я видел, все, чего касался, оказывалось ветхим – и оттого трогательным.

Впервые я увидел книгу в руках студентки архитектурного факультета два дня назад. Она хотела что-то купить в столовой на первом этаже и искала в сумке кошелек, но одна рука у нее была занята, поэтому ей не удавалось его найти. Девушка держала книгу, и, чтобы освободить руку, ей пришлось на минуту положить книгу на стол, за которым я сидел. Мгновение я смотрел на книгу, оставленную на столе. Только и всего, такая вот случайность, изменившая мою жизнь. Девушка забрала книгу и положила ее в сумку. В тот же день, вечером, по пути домой, я увидел экземпляр этой книги на уличном книжном лотке среди старых изданий, брошюр, сборников стихов, книг по гаданию, любовных и политических романов и купил ее.

Не успел прозвенеть звонок, возвещавший полдень, как большинство студентов побежали к лестнице, чтобы успеть занять очередь в столовой, а я продолжал молча сидеть за столом. Потом я побродил по коридорам, спустился в столовую, прошелся между колоннами по внутреннему дворику, проник в пустые аудитории и из окна посмотрел на заснеженные деревья в парке напротив, потом попил воды в туалете. Я обошел почти весь факультет Ташкышла. Девушка не появлялась, но я не отчаивался.

После обеда народу на факультете стало больше. Я про-

следовал по коридорам, вошел в мастерские, понаблюдая за играми на деньги на чертежных столах, сел в углу и, сложив разорванные страницы какой-то газеты, стал читать. Потом опять прошагал по коридорам, спустился по лестнице, снова поднялся, послушал разговоры о футболе, политике и о том, что вчера показывали по телевизору. Посмеялся вместе с теми, кто отпускал шуточки в адрес одной кинозвезды, решившей завести ребенка, угостил тех, кто хотел, сигаретами и зажигалкой; один парень рассказывал анекдот, а я слушал и, проделывая все это, что-то вежливо отвечал всякий раз, когда меня останавливали и спрашивали, не видел ли я такого-то. Иногда мне не удавалось найти компанию, чтобы поболтать, или окна, чтобы выглянуть на улицу, или придумать цель, чтобы куда-то пойти, и тогда я быстро и решительно шагнул куда-то, словно у меня было срочное дело. Но так как дел у меня не было, то, оказавшись у двери библиотеки или на лестничной площадке, я шел в другую сторону, смешиваясь с толпой, и лишь иногда останавливался, чтобы закурить. Я собирался было почитать недавно вывешенное на доске информации объявление, но вдруг сердце мое забилося, в глазах потемнело, и я почувствовал себя беспомощным: она, девушка с книгой, была там, в толпе, она удалялась от меня и словно манила, двигаясь медленно, будто во сне. Я потерял голову, я перестал быть самим собой, и, забыв себя окончательно, я побежал следом за ней.

На ней было очень светлое, но не белое платье. Я догнал

ее у лестницы и заглянул ей в лицо – в глаза мне ударил свет, такой же сильный, как свет из книги, но очень мягкий. Я был в старом мире – и я был на пороге новой жизни. Я стоял на грязной лестнице, но жил жизнью из книги. Я смотрел и смотрел на этот свет и все больше понимал, что мое сердце меня не слышит.

Я сказал ей, что читал книгу. А еще я сказал, что прочитал ее после того, как увидел книгу у нее. Сказал, что теперь я живу в другом мире. И что мы должны поговорить сию минуту, потому что в этом новом мире я совсем один.

– Сейчас у меня занятие, – сказала она.

Сердце у меня екнуло. Я растерялся. Девушка, кажется, заметила это и задумалась.

– Ладно, – решительно сказала она, – давай найдем свободную аудиторию и поговорим.

На втором этаже мы нашли пустую аудиторию. Коленки у меня дрожали, когда я входил. Я не знал, как рассказать ей, что я вижу мир, обещанный мне книгой, что книга тихо, шепотом, словно большую тайну, поведала мне о своем мире. Девушка сказала, что ее зовут Джанан,⁸ я назвал свое имя.

– Чем тебе так понравилась книга? – спросила она.

Поддавшись порыву, я хотел было сказать: «Ангел, потому что ты читала ее». Откуда взялся этот «Ангел», понятия не имею; в голове была путаница, но потом словно кто-то

⁸ *Джанан* – букв. «возлюбленная, красавица» (тур.); в то же время «Джанан» – одно из имен Аллаха.

помог мне – наверное, ангел.

– Когда я прочитал книгу, моя жизнь изменилась, – ответил я. – Комната, дом, мир, в котором я жил, – все перестало быть моим, я чувствую себя бродягой в чуждом мире. Я впервые у тебя увидел книгу, должно быть, и ты ее читала. Расскажи мне о мире, в котором ты побывала и откуда вернулась. Расскажи, что нужно сделать, чтобы попасть туда. Объясни, почему мы до сих пор здесь. Расскажи, почему новый мир кажется знакомым и привычным, словно собственный дом, а собственный дом стал чужим, словно этот новый мир.

Я, может, еще много чего сказал бы в том же духе, но тут вдруг на миг я словно ослеп. Свинцовый свет снежного зимнего дня был таким резким и ярким, что казалось, будто окна маленького класса, где пахло мелом, сделаны из льда. Я смотрел ей в глаза и все же боялся смотреть.

– Что ты готов сделать, чтобы войти в мир книги? – спросила она.

У нее были бледное лицо, каштановые волосы, светлые брови и нежный взгляд. Если она существует в этом мире, то, скорее всего, она создана из воспоминаний о нем; а если она пришла из будущего, то, наверное, она предвестник страхов и горя. Я смотрел на нее, но не осознавал этого. Наверное, боялся, что, если и дальше буду смотреть, все станет реальностью.

– Я готов на все ради того, чтобы найти мир из книги, –

ответил я.

Она едва заметно улыбнулась и нежно посмотрела на меня. Как положено себя вести, когда на вас вот так смотрит невероятно красивая, милая девушка? Как положено держать спичку, как зажигать сигарету, как смотреть в окно, как разговаривать с ней, как стоять перед ней, как дышать? Все-му этому в здешних стенах не учат. Поэтому такие, как я, и мучаются от безысходности, пытаюсь скрыть охвативший их трепет.

– Что значит «готов на все»? – спросила она.

– На все... – ответил я и замолчал, слушая удары собственного сердца.

Не знаю почему, но я вдруг представил длинные, нескончаемо долгие дороги, непрекращающиеся сказочные ливни, лабиринты затерянных улиц, печальные деревья, грязные реки, сады, страны. Я должен отправиться туда, если хочу когда-нибудь ее обнять.

– Скажи, например, ты бы не испугался смерти?

– Нет.

– Даже если бы узнал, что тебя могут убить за то, что ты читал книгу?

Я попытался улыбнуться, потому что во мне все же говорил будущий инженер: «Это же, в конце концов, всего лишь книга!» Но Джанан смотрела серьезно и внимательно на меня. Я подумал с тревогой, что никогда не смогу приблизиться ни к миру из книги, ни к ней, если сделаю что-то не так,

скажу что-нибудь неосторожное.

– Ну, я не думаю, что меня собираются убить, – сказал я, изображая неизвестно кого. – А если и так, то, по правде говоря, смерти я не боюсь.

Ее светлые, медового цвета глаза на мгновение вспыхнули в белесом свете, струившемся из окна.

– По-твоему, тот мир существует или это только выдумки, написанные в книге?

– Тот мир существует! – воскликнул я. – А ты такая красивая, потому что ты – оттуда!

Она быстро приблизилась ко мне. Взяла меня обеими руками за голову, потянулась и поцеловала меня в губы. Долю секунды я ощущал ее язык у себя на губах. И тут же она отступила назад, но так, чтобы я мог держать ее легкое тело.

– Ты очень смелый, – сказала она.

Я уловил аромат лаванды – запах духов. Я, словно пьяный, сделал несколько шагов к ней. Мимо двери, громко разговаривая, прошли два студента.

– Подожди, послушай меня, пожалуйста, – попросила она. – Ты должен сказать все это Мехмеду. Он был в мире из книги и вернулся. Он – оттуда, он знает, понимаешь? Но он не верит, что другие смогут поверить книге и пойти туда. Он пережил страшные мгновения и перестал верить. Ты поговоришь с ним?

– Кто такой Мехмед?

– Приходи через десять минут, до того, как начнется пер-

вое занятие, к двести первой аудитории, – сказала она и вышла.

Класс казался совсем пустым, словно и меня там не было, а я стоял, оцепенев. Никто никогда так не целовал меня, никто никогда так не смотрел на меня. И теперь я снова остался один. Мне было страшно, я думал, что больше никогда не увижу ее, что никогда я не попаду в тот истинный, настоящий мир. Мне захотелось бежать за ней, но сердце так билось, что я боялся дышать. Белый, белоснежный свет ослепил не только мои глаза, но и мой разум. «Это из-за книги», – подумал я и тут вдруг так ясно понял – я люблю эту книгу, я хочу побывать там, в том мире, – что слезы едва не хлынули у меня из глаз. Книга, само ее существование поддерживали меня. Я знал: когда-нибудь девушка обязательно обнимет меня еще раз. Но сейчас мне казалось, что мир отступил, оставив меня одного.

Снаружи, с улицы, доносились голоса, и я выглянул в окно. Несколько студентов архитектурного факультета, весело перекрикиваясь, играли в снежки внизу, у входа в парк. Я смотрел на них и не видел. Во мне уже ничего не оставалось от ребенка. Я исчез.

Вы ведь знаете, такое часто случается: однажды, в обычный день, когда вам кажется, что вы живете обычной жизнью и думаете о газетных новостях, о шуме машин, о сказанных обидных словах, об использованных билетах в кино, лежащих в кармане, о сигаретных окурках, вы вдруг замечаете,

что на самом деле вы уже давно где-то далеко, в каком-то другом мире. Я же давно исчез, растворился в белесом цвете, льющемся из окон из льда. А для того, чтобы попасть в любой мир, в любую реальность, нужно обнять девушку, нужно держать ее, нужно добиться ее любви. Как быстро неугомимое сердце мое познало эти премудрости! Я полюбил! Я собирался вверить себя бескрайним границам своего сердца... Я взглянул на часы. Оставалось восемь минут.

Я словно привидение следовал по коридорам с высокими потолками, и мне казалось странным, что у меня есть тело, лицо, жизнь, собственная история. Встречу ли я ее в толпе еще раз? И что скажу при встрече? Какое у меня лицо? Я не мог вспомнить. Я зашел в уборную рядом с лестницей и напился воды из-под крана. Потом глянул в зеркало, чтобы посмотреть на свои губы, которые только что ее целовали. Мама, я полюбил, мама, я исчезаю, мне страшно, мама, но я на все готов ради нее. Я спрошу у Джанан, кто же этот Мехмед? Почему он боится? Кто те люди, которые убивают прочитавших книгу? Я ничего не боюсь. Если человек читал книгу и поверил ей, как я, он не должен бояться. Вот так!

Оказавшись в толпе в коридоре, я заметил, что опять иду быстро и с таким видом, будто у меня срочное дело. Поднявшись на второй этаж, я прошествовал вдоль высоких окон, выходящих во внутренний двор с фонтаном; я шел, оставляя позади самого себя, я шел и думал о Джанан. Я шел мимо однокурсников, мимо аудитории, где у меня должно быть

занятие. Подумаешь!!! Меня только что поцеловала такая симпатичная девчонка, и как поцеловала! Что вы знаете об этом? Ноги стремительно несли меня в мое будущее. В том будущем были темные леса, комнаты отелей, лиловато-синие тени привидений, жизнь, покой и смерть.

Перед аудиторией номер двести один я был за три минуты до начала занятия и, еще не увидев Джанан, узнал Мехмеда. У него было бледное лицо. Он был высоким, худым и, как и я, задумчивым, рассеянным и усталым. Я вспомнил, что вроде бы раньше уже видел его с Джанан. Он знает гораздо больше меня, подумал я, он пережил больше, чем я, и он на пару лет старше.

Не знаю, как он узнал меня. Он отвел меня в сторонку, туда, где стояли шкафы.

– Я слышал, ты читал книгу, – произнес он. – И что ты в ней нашел?

– Новую жизнь.

– Ты в это веришь?

– Верю.

Он выглядел таким утомленным, что мне стало страшно при мысли о том, что он пережил.

– Послушай меня, – сказал он. – Я тоже когда-то поверил книге. И решил, что найду этот мир. Я все время куда-то ехал на автобусе. Ездил из города в город, думал – найду ту страну, тех людей, те улицы. Поверь мне: в конце нет ничего, кроме смерти. Они и сейчас за нами следят наверняка. Они

убивают безжалостно.

– Не пугай его, – вмешалась Джанан.

Наступило молчание. Мехмед посмотрел на меня так, будто мы знакомы много лет. А я подумал, что разочаровал его.

– Я не боюсь, – сказал я, глядя на Джанан, и с решительным видом, словно киногерой, добавил: – Я смогу дойти до конца.

Неправдоподобное, невероятное тело Джанан было в двух шагах от меня. Она стояла между нами, ближе к нему.

– Не из-за чего идти до конца, – сказал Мехмед. – Это всего лишь книга. Кто-то сел и написал ее. Фантазии. А ты просто садишься и читаешь ее. Снова и снова.

– Скажи ему то, что говорил мне, – повернулась ко мне Джанан.

– Тот мир существует, – упрямо повторил я. Мне хотелось взять Джанан за красивую руку и притянуть к себе. Но я не решался. – Я найду его.

– Да нет ничего! Все это красивые сказки! Считай это чем-то вроде игры, в которую один старый идиот играл с детьми. И вот однажды он решил написать такую же книжку, но для взрослых. Вряд ли он сам понимает смысл того, что написал. Читать забавно, но если поверишь в нее – жизнь пропала.

– Там существует целый мир, – не сдавался я, все больше уподобляясь глупым и упрямым парням из фильмов. – И я знаю, что найду дорогу.

– Ну тогда пока.

Он отвернулся и многозначительно посмотрел на Джанан: «Я же тебе говорил». Уходя, он вдруг спросил:

– Почему ты так веришь в существование той жизни?

– Потому что мне кажется, что в книге рассказана моя история.

Он дружелюбно улыбнулся и вошел в аудиторию.

– Подожди, не уходи, – сказал я Джанан. – Он – твой парень?

– Вообще-то, ты ему понравился, – ответила она. – Только он боится не за себя, а за меня, за таких, как ты.

– Он что, твой друг? Не уходи, пока не расскажешь мне все.

– Я ему нужна, – сказала она.

Эту фразу я столько раз слышал в кино, что в ответ у меня вырвалось – с чувством и убежденно:

– Я умру, если ты меня бросишь.

Она рассмеялась и вместе с остальными вошла в двести первую аудиторию. Я хотел было войти вслед за ней. Сквозь широкие окна аудиторий, выходявшие в коридор, я видел, как они нашли свободную парту и сели среди студентов и студенток, оба в одинаковых рубашках цвета хаки и джинсах. Они ждали начала лекции молча, не разговаривая, и Джанан вдруг мягким движением руки заправила пряди каштановых волос за уши. Я растаял окончательно. В отличие от крутых парней из фильмов про любовь, я чувствовал себя ничтожеством, поэтому я решил убраться туда, куда ме-

ня несли ноги.

Интересно, что она думает обо мне? Какого цвета стены у нее в доме? О чем она разговаривает с отцом? Красивая ли у них ванная? Есть ли у нее брат или сестра? Что она любит на завтрак? Он что, ее парень? Но тогда почему она меня поцеловала?

Маленький класс, где она поцеловала меня, оказался пустым. Я вошел в него, чувствуя себя поверженным, но полным решимости воином, мечтающим о новой битве. Эхо шагов в пустой комнате, жалкие, какие-то преступные руки, раскрывающие пачку сигарет, запах мела, белоснежный ледяной свет... Я прижался лбом к стеклу. Это и есть та новая жизнь, на пороге которой я, казалось, видел себя утром? Я был измотан эмоционально, но пробудившийся во мне будущий инженер, привыкший рассуждать логически, занялся расчетами: идти на лекцию я был не в состоянии, лучше уж я два часа подожду, когда они выйдут. Два часа.

Не знаю, сколько времени я простоял, прижавшись лбом к стеклу и жалея себя, но мне нравилось это состояние, я даже подумал, что вот-вот заплачу, как вдруг подул легкий ветер и пошел снег. На склоне, ведущем к дворцу Долмабахче,⁹ я видел платаны и каштаны. Деревья ведь не знают, что они – деревья, подумал я. И я смотрел на них с восхищением. Каким спокойным все виделось там, внизу!

⁹ Долмабахче – бывшая резиденция султана. Построена в середине XIX в. Предполагается на Босфоре, в европейской части Стамбула.

А еще я наблюдал за снежинками. Они падали, медленно кружась, иногда словно замирая в какой-то точке, – казалось, они наблюдают за себе подобными, а едва уловимый ветерок подхватывал их и уносил прочь. Иногда какая-нибудь снежинка танцевала в воздухе и вдруг замирала, а потом, словно передумав, начинала медленно подниматься назад, к небу, все выше и выше. Я видел: многие снежинки вернулись назад, на небо, так и не коснувшись грязи, асфальта, деревьев, парка... Кто смотрел на снежинки, кто знает об их танцах, их жизни?

Замечал ли кто-нибудь когда-нибудь, что острый угол продолжавшего парк треугольника, образованный двумя асфальтовыми дорожками, указывал на Девичью башню? Что сосны у края тротуара, многие годы склонявшиеся под дуновением восточного ветра, образовывали совершенный восьмиугольник над автобусной остановкой? Кто, заметив стоящего на улице человека с розовым полиэтиленовым пакетом, задумывался о том, что половина Стамбула идет сейчас по улицам с полиэтиленовыми пакетами в руках? Кто, не зная ничего о тебе, Ангел, думал о том, что следы, оставленные голодными собаками и бездомными, собиравшими пустые бутылки в мертвых, укрытых снегом парках города, – это твои следы? И таким ли должен предстать передо мной новый мир, о котором, как о тайне, поведала мне книга, купленная два дня назад вон там, на уличном лотке?

Не глазами, а встревоженным сердцем заметил я силуэт

Джанан там же, на улице, в наливавшемся свинцом свете снежной бури. Она была одета в лиловое пальто. Так, значит, сердце мое – втайне от меня – помнило это пальто. Рядом с ней шел Мехмед в светло-сером пиджаке – он брел по снегу, словно злой дух, не оставляя следов. Мне захотелось догнать их.

Они остановились там, где два дня назад торговец продавал книги, и стали о чем-то говорить. По их жестам, по обиженному виду Джанан и по тому, как она отступила назад, я понял, что они спорили, – так ругаются давние любовники, уже привыкшие к перебранкам.

Затем они пошли дальше, но вскоре опять остановились. Теперь они оказались далеко от меня, но по их позам и по взглядам прохожих я понял, что они продолжают ругаться.

Но длилось это недолго. Джанан развернулась и пошла назад, в сторону Ташкышла, где был я, а Мехмед еще некоторое время смотрел ей вслед, а потом направился к Таксиму. Сердце у меня опять заколотилось.

Именно в тот момент я увидел человека с розовым полиэтиленовым пакетом в руках, переходившего улицу на сторону остановки маршрутных такси Сарыйер. Я сосредоточился на изящных шагах легкой тени в лиловом пальто и вовсе не собирался обращать внимание на кого-то там, переходившего дорогу. Но в движениях человека с розовым пакетом была какая-то фальшь, которую трудно было не заметить. Когда до тротуара оставалось несколько шагов, человек выта-

щил что-то из розового пакета. Пистолет. Он направил его на Мехмеда, который тоже успел его заметить.

Сначала я увидел, как Мехмед вздрогнул. Затем до меня донесся звук выстрела. Потом второй. Я думал, услышу и третий, но Мехмед покачнулся и упал. Стрелявший отшвырнул пакет и побежал к парку.

Джанан с несчастным видом продолжала идти в мою сторону маленькими, легкими, изящными шагами. Она не слышала выстрелов. По перекрестку с грохотом пронесся грузовик с апельсинами, засыпанными снегом. Казалось, он был воплощением целого мира.

Я заметил на остановке какое-то движение. Мехмед поднимался на ноги. А вдалеке, по заснеженным дорожкам парка, вниз по склону холма, направляясь к стадиону Инёню, бежал стрелявший человек, подпрыгивая и дергаясь, как клоун. Вдогонку за ним мчались две игривые черные собаки.

Мне следовало спуститься, перехватить по дороге Джанан и рассказать ей о случившемся, но я застыл, наблюдая за Мехмедом, – покачиваясь, он растерянно озирался по сторонам. Сколько я так простоял? Долго, очень долго – до тех пор, пока Джанан не завернула за угол, где начинался квартал Ташкышла, и не скрылась из виду.

Я наконец опомнился, сбежал вниз, пробрался между охранниками, студентами, уборщицами и швейцаром у дверей. Когда я добрался до главных ворот, Джанан и след простыл. Я быстро поднялся по лестнице, но Джанан так и не

заметил. Потом я побежал на перекресток. Ничто не напоминало о случившемся, я никого не встретил. Мехмеда тоже нигде не было, исчез и полиэтиленовый пакет, который выбросил стрелявший.

Снег в том месте, где упал Мехмед, подтаял и смешался с грязью. Мимо прошла красивая, нарядно одетая женщина с двухлетним малышом в тубетейке.

– Мама, скажи, куда зайчик убежал, куда он убежал? – повторял ребенок.

В панике я повернул в другую сторону, к остановке Сарыйер. Мир словно замер, скованный безмолвием снега и равнодушием деревьев. Обоих водителей такси, похожих друг на друга как две капли воды, очень удивили мои вопросы. Они понятия не имели, о чем идет речь. Парень с грубым, как у разбойника, лицом, разносивший им чай, тоже не слышал никаких выстрелов, хотя, впрочем, его трудно было чем-то удивить. Контролер с автобусной остановки, державший в руке свисток, вообще посмотрел на меня так, как будто это я стрелял. На стоявшую неподалеку сосну вдруг слетелись вороны. В последний момент я заглянул в отъезжавшую маршрутку и, волнуясь, спросил, не видел ли кто-нибудь чего-то необычного. Одна пожилая женщина сказала:

– Только что какая-то девушка с парнем поймали здесь такси и уехали.

Она махнула в сторону Таксима. Я побежал туда, зная, что совершаю глупость. На площади, окруженный продавцами,

машинами и витринами магазинов, я подумал, что я абсолютно одинок. Я уже собирался идти в Бейоглу, как вдруг вспомнил о больнице скорой помощи, – я тут же помчался с проспекта Сырасельвилер и, как пострадавший, которому требовалась неотложная помощь, вошел в приемный покой, вдыхая запах йода и эфира.

Я увидел окровавленных мужчин: одни – в разорванных брюках, другие – в гипсе. Я увидел бледные, посиневшие лица тех, кто, похоже, отравился, и тех, кого мучил гастрит. Видимо, им уже промыли желудки, и теперь они лежали на носилках на улице, среди припорошенных снегом горшков с цикламенами. Полный, но симпатичный пожилой человек ходил от двери к двери в поисках дежурного врача, сжимая в руке конец жгута из разорванного белья, которым он крепко перевязал руку, чтобы не умереть от потери крови. Я показал ему, куда идти. Два старинных приятеля, изрезав друг друга одним ножом, сидели перед дежурным полицейским и, пока он писал протокол, послушно рассказывали ему, как все произошло, то и дело извиняясь за то, что забыли этот нож дома. Я дождался своей очереди и узнал сначала у медсестер, а потом у полицейского, не было ли сегодня здесь раненого студента и девушки со светло-каштановыми волосами. Нет, не было.

Потом я зашел в муниципальную больницу Бейоглу: мне показалось, я увидел снова тех же приятелей, изрезавших друг друга; тех же девушек, пытавшихся свести счеты с жиз-

нюю, выпив йода; тех же подмастерьев, у которых либо рука попала в машину, либо иголкой проткнуло палец; тех же пострадавших пассажиров, которых зажало либо между автобусом и остановкой, либо между паромом и пристанью. Я внимательно изучил регистрационные записи, ответил что-то полицейскому, которому мой интерес показался подозрительным, и, вдохнув запах лавандового одеколона, которым полил нам руки счастливый отец, подымавшийся в родильное отделение, вдруг испугался, что сейчас расплачусь.

Начало смеркаться, и я снова вернулся к месту происшествия. Я прошел мимо маршрутных такси и направился в парк. Вороны, гневно каркая, пикировали над моей головой, но потом они попрятались на деревьях, затаившись в ветвях. Казалось, я был в центре города, но я не слышал его шума – одну лишь оглушительную тишину; я ощущал себя убийцей, который зарезал кого-то и теперь вынужден прятаться. Вдалеке бледно-желтым светом светились окна аудитории, где Джанан поцеловала меня, – должно быть, там шли занятия. Деревья, чья беспомощность поразила меня утром, превратились теперь в уродливые, бесформенные и бессердечные образования коры. Я медленно брел по снегу, который попал мне в ботинки, как вдруг заметил следы человека с полиэтиленовым пакетом, который четыре часа назад бежал вприпрыжку по снегу. Чтобы убедиться, что следы существуют, я прошел по ним вниз до дороги, потом вернулся; когда я шел обратно, я заметил, что мои следы давно перепутались

со следами человека с пакетом. Тут из-за кустов появились две черные собаки, – так же как и я, они были свидетелями произошедшего, так же как и я, они были виновны; испугавшись меня, они убежали. Я остановился и посмотрел на небо: оно тоже было черным, как собаки.

Вечером мы ужинали вместе с мамой и смотрели телевизор. Новости – то и дело мелькавшие на экране люди, преступления, катастрофы, пожары и покушения – казались мне далекими и бессмысленными, словно волны штормившего моря, едва показавшегося вдалеке, из-за гор. И все же во мне теплилось желание находиться «там», быть частью того свинцово-серого далекого моря. Но на экране черно-белого телевизора с плохо настроенной антенной среди расплывчатых изображений не возникло никого, кто сказал бы об убийстве студента.

После ужина я заперся у себя в комнате. Открытая книга лежала на столе, но я боялся ее. Она манила, в ее призыве чувствовалась грозная сила, и мне все сильнее хотелось вернуться к ней и отдаться ей целиком. Подумав, что не смогу сопротивляться этому зову, я снова вышел из дому и направился к морю, двигаясь по покрытым снегом и грязью улицам. Темнота моря придавала мне сил.

Вернувшись домой, я, исполненный мужества, сел за стол и, словно отдавая священный долг, смело направил лившийся из книги свет себе в лицо. Сначала свет был слабым, но, по мере того как я переворачивал страницы, он усиливал-

ся, пока наконец не захватил меня целиком, и я почувствовал – все мое существо исчезает, растворяясь в нем. Я читал до самого утра – от волнения и нетерпения у меня заболел желудок, но меня переполняла нестерпимая жажда жизни, жажда действия.

Следующие несколько дней я провел в поисках Джанан. На следующий день в Ташкышла ее не было, не было ее и через день, и через два. Сначала ее отсутствие казалось мне понятным, я думал, что она все же придет, но прежний мир постепенно отступал от меня. Я устал искать, оглядываться, надеяться, я был безумно влюблен, к тому же, находясь под воздействием книги, которую читал по ночам, я чувствовал себя ужасно одиноким. Я с болью осознавал, что наш мир состоит из последовательности видений, из цепи неверно истолкованных знаков и нескольких слепо усвоенных привычек, а настоящий мир и настоящая жизнь где-то рядом, либо за пределами этого мира, либо внутри его. Я понял, что никто, кроме Джанан, не сможет указать мне путь к нему.

Я внимательно прочитал все газеты, городские приложения к ним и ежедневные журналы, в которых писали о политических преступлениях, о бытовых убийствах, о кровавых автокатастрофах и о пожарах, но не нашел ни единого упоминания о ней. Каждую ночь я до рассвета читал книгу, а днем отправлялся в Ташкышла и бродил по коридорам, надеясь на то, что сегодня она придет и я встречу ее. Иногда я заходил в столовую, потом спускался по лестнице, снова поднимался, останавливался и смотрел во двор, прохаживался взад-вперед по библиотеке, подходил к дверям ауди-

тории, где она меня поцеловала; иногда я решался пойти на какую-нибудь из лекций, чтобы немного отвлечься, и покидал аудиторию только для того, чтобы совершить новый обход. Единственное, что мне оставалось, – искать ее, ждать, а по ночам снова и снова перечитывать книгу.

Через неделю я попытался пообщаться с однокурсниками Джанан. Вообще-то, я предполагал, что ни у Мехмеда, ни у нее друзей как таковых не было. Двое ребят сказали, что Мехмед работает администратором и ночным сторожем в каком-то отеле у площади Таксим и живет где-то в том районе, но почему его не было на занятиях, никто не знал. Одна не слишком доброжелательно настроенная девушка, учившаяся когда-то вместе с Джанан в лицее, но так и не ставшая ее подругой, сообщила, что та живет в Нишанташы.¹⁰ А другая сообщила, что однажды они с Джанан просидели до утра, торопясь закончить чертеж проекта; она сказала, что у Джанан есть красивый и обходительный старший брат, который работает вместе с ее отцом; похоже было, что девушку интересовала не столько Джанан, сколько ее старший брат. Адрес я раздобыл не у нее, а на факультете, сказав, что собираюсь разослать однокурсникам поздравительные открытки на Новый год.

По ночам я читал книгу, читал до изнеможения, до тех пор, пока не начинали болеть глаза и я не падал без сил. Временами свет, лившийся из книги, казался настолько ослепи-

¹⁰ *Нишанташы* – фешенебельный район в европейской части Стамбула.

тельным и всепоглощающим, что мне причудилось – растворяется и исчезает не только моя душа, но и тело, растворяется все, что делает меня мной и составляет самое суть меня. И тогда перед глазами оживала завораживающая картина: свет, что, разрастаясь, постепенно охватывал меня, сначала словно струился из трещины в земле, а затем, становясь все ярче и ярче, разливался по всему миру, тому миру, в котором было место и для меня. Я мечтал об этом дерзновенном новом мире: там я встречу Джанан, и она обнимет меня, я увижу новых людей, вечнозеленые деревья, затерянные города.

Однажды вечером, в конце декабря, я отправился в Нишанташы – в тот район, где она жила. Я долго бродил по главной улице – шикарно одетые женщины с детьми возвращались с новогодними покупками из магазинов, украшенных праздничными гирляндами, – и разглядывал витрины недавно открывшихся ресторанов, газетных киосков, кондитерских и магазинов одежды.

Когда магазины начали закрываться, а народу стало заметно меньше, я позвонил в дверь жилого дома на одной из прилегающих улиц. Мне открыла служанка. Я сказал, что я – однокурсник Джанан; служанка ушла в дом. Из комнат доносился звук включенного телевизора, потом я услышал чей-то шепот. К двери подошел отец Джанан – высокого роста, в белой рубашке, он держал в руке белоснежный платок. Он пригласил меня войти. За обеденным столом, где пустовало одно место, сидели ее мать, с любопытством смотревшая на

меня, и старший брат, красивый молодой человек. По телевизору передавали новости.

Я сказал, что я – однокурсник Джанан по архитектурному факультету. Она не приходит на занятия, поэтому мы стали волноваться; кроме того, у нее мое задание по статике, которое я вынужден с извинениями забрать – мне надо его доделать. Вероятно, я выглядел неубедительно – я держал на левой руке потерявшее цвет пальто покойного отца.

– Кажется, ты неплохой парень, сынок, – заговорил отец Джанан. И добавил, что хочет говорить со мной откровенно, любезно попросив столь же правдиво отвечать на его вопросы. Каких я взглядов придерживаюсь в политике – правых или левых? Я фундаменталист или социалист? Ни то ни другое! Идеи какого политического течения мне близки? Никакого! Связан ли я с какой-нибудь политической организацией в университете или вне его? Нет, не связан.

Воцарилось молчание. Мать, демонстрируя расположение, в знак одобрения приподняла брови. А отец некоторое время что-то задумчиво рассматривал на экране светлыми, как у Джанан, глазами цвета меда; казалось, его мысли блуждают где-то очень далеко; затем он повернулся ко мне, очевидно приняв какое-то решение.

Джанан ушла из дома, пропала, сказал он. Ну, может, не то чтобы пропала. Раз в два-три дня она звонит откуда-то издалека, судя по помехам на телефонной линии, и просит не беспокоиться о ней, говорит, что с ней все в порядке, и,

не обращая внимания на вопросы отца и мольбы матери, отказывается что-либо объяснять – просто вешает трубку. Поэтому они убеждены, что их дочь попала в лапы какой-то политической организации. Они собирались заявить в полицию, но передумали. Они всегда доверяли здравому смыслу Джанан и были убеждены, что она сумеет выбраться из любых неприятностей. А мать, все это время пристально изучавшая меня с головы до ног – от цвета волос до отцовского пальто, которое я повесил на спинку одного из кресел, – жалобным голосом умоляла меня рассказать все, что могло хоть как-то прояснить ситуацию.

Я был растерян. Я заверил мадам, что у меня нет никаких предположений. Некоторое время мы задумчиво смотрели на стол, на тарелку с пирожками и морковный салат. Красивый брат, который постоянно то выходил, то входил, извинился и сказал, что не смог найти моего задания. Я намекнул им, что сам наверняка найду тетрадь в комнате Джанан, но они намек не поняли и ограничились тем, что не слишком настойчиво пригласили занять пустовавшее место за столом. Но я был гордым влюбленным, я отказался. Уже выходя из комнаты, я пожалел об этом, заметив на пианино фотографию в рамке. На ней была изображена девятилетняя Джанан с косичками, рядом стояли родители; она была одета в костюм ангелочка с маленькими крыльями, западного ангелочка, с немного грустным детским взглядом и легкой улыбкой на губах. Волосы, думаю, ей заплели перед выступлением в

школьном спектакле.

Какой холодной и враждебной казалась ночь, какими безжалостными выглядели темные улицы! Я понимал жавшихся друг к другу бездомных собак, сбившихся в стаи. Дома я с нежностью разбудил маму, заснувшую перед телевизором, прижался к ее бледной шее, почувствовал ее запах – и попросил обнять меня. Но позже, закрывшись в комнате, я вновь почувствовал, что настоящая жизнь начнется совсем скоро.

Той ночью я читал книгу. Читал, опять покоровившись ей, читал, испытывая уважение и мечтая, чтобы она забрала меня. Я грезил новыми странами, новыми людьми, я видел океаны огня и моря тьмы, лиловые деревья и алые горы. А потом, словно после весеннего дождя, выходило солнце, грязные дома с мертвыми окнами и отвратительные улицы внезапно расступались передо мной, и тут, озаренная белоснежным светом, передо мной предстала Любовь. На руках она держала маленького ребенка – это была девочка с фотографии в рамке на пианино.

Девочка, улыбаясь, смотрела на меня. Казалось, она хотела что-то сказать, а может, уже сказала, но я не расслышал. Меня охватило чувство беспомощности: внутренний голос шепнул мне, что я никогда не стану частью этой прекрасной жизни. И, словно в подтверждение этому, я увидел, как обе они взмывают ввысь и, растворяясь, исчезают.

Видения пробудили во мне такой ужас, что я в страхе отстранился от книги – почти как в первый день, желая укрыть-

ся от нестерпимого света. Я с тоской ощущал себя здесь, в этой жизни, среди привычных вещей: сигарет, ножниц, учебников, занавесок, кровати; здесь, в тишине комнаты, меня тревожило чувство покоя, которое вселяли в меня стол, книга, неподвижность рук.

Я ощущал тепло своего тела, чувствовал удары пульса — и очень хотел оказаться вдалеке от этого мира. Одновременно с этим я слышал звуки в доме, далекие крики уличных торговцев и понимал: нет ничего невыносимого в том, что в полночь, здесь, в этом мире и в этом времени, я сижу и читаю книгу. Недолго я прислушивался только к этим привычным звукам: где-то далеко гудели автомобили, лаяли собаки, шумел ветер, разговаривали двое прохожих (уже почти утро, сказал один), мерно постукивали колесами товарные поезда. Много времени спустя, когда, казалось, мир словно растворился в абсолютной тишине, перед глазами моими возник призрак, и я наконец понял, что книга проникла в мою душу. Пока свет книги озарял лицо, душа моя была чистой страницей.

Я потянулся к ящику и достал оттуда тетрадь в клеточку, расчерченную под карты и графики. Я купил ее для занятий по статике за несколько недель до того, как узнал о книге. Я еще ни разу ею не пользовался. Открыв тетрадь, я вдохнул запах чистых белых страниц, взял ручку и, предложение за предложением, стал записывать все то, о чем поведала мне книга. Я писал и писал. Когда в книге начинался новый па-

параграф, я начинал с новой строки. Так, параграф за параграфом, я снова и снова погружался в жизнь книги. Через некоторое время я поднял голову от тетради и стал сравнивать свои записи с книгой: в тетради писал я, но мой рассказ абсолютно соответствовал тому, что было сказано в книге. И так мне это понравилось, что я стал писать каждую ночь – до рассвета.

На занятия я ходить перестал. Большую часть времени я, словно человек, пытавшийся сбежать от самого себя, просто шатался по коридорам; я бродил не останавливаясь, как заведенный, – еще раз в столовую, потом наверх, потом в библиотеку, потом в аудитории, опять в столовую, и каждый раз, когда я видел, что Джанан нигде нет, внутри у меня вспыхивал очаг боли.

Шли дни, я начал свыкаться с этой болью, научился жить с ней, мне даже иногда, пусть ненадолго, удавалось контролировать ее. Наверное, все же была какая-то польза в моих торопливых прогулках по коридорам и в курении со студентами; я надеялся найти что-то, что могло бы отвлечь меня: послушать чью-то историю, купить новый рейсфедер с лиловой ручкой, увидеть любое новое лицо. Все это, пусть ненадолго, спасало меня, заставляя не замечать боль одиночества и ожидания, разливавшуюся по всему телу откуда-то изнутри. Когда я входил куда-нибудь, где мог встретить Джанан, скажем в столовую, я не оглядывался вокруг. Сначала я украдкой смотрел в угол, где болтали кутившие девочки

в джинсах, и, разглядывая их, представлял, что Джанан сзади, у меня за спиной. Я так в это верил, что специально не оборачивался, чтобы она не исчезла. Я долго-долго смотрел в сторону тех, кто стоял в кассу, и тех, кто сидел за столом, на который две недели назад Джанан положила книгу. Так мне удавалось выиграть еще несколько секунд счастья, и я чувствовал за спиной легкое движение и тепло присутствия Джанан – и еще сильнее начинал верить в эту иллюзию. А когда, обернувшись, я убеждался, что Джанан нет, сладкая греза, медленно растекавшаяся по моим жилам, как сладостный сок, сменялась болезненным ядом, заставлявшим страдать все мое существо.

Я много раз слышал, что любовь – это сладкая пытка, я много читал об этом – в основном в книгах по гаданию, в газетных статьях типа «Ваш знак зодиака» или же «Дом – семья – счастье», среди кулинарных рецептов и фотографий готовых блюд. Свинцовая глыба внутренней боли, презренная ревность и одиночество настолько отдалили меня от людей и убили во мне всякую надежду, что я начал слепо верить не только в газетные астрологические прогнозы, но и в прочие знаки... Если до следующего этажа нечетное количество ступенек, значит Джанан на верхнем этаже... Если сейчас выйдет женщина, то сегодня я увижу Джанан... Если поезд тронется, когда я досчитаю до семи, она найдет меня и мы поговорим... Если я первым спрыгну с парома, то она сегодня придет.

С паромы первым прыгнул я. И не наступил на полоски земли между плитками тротуара. И угадал, что число валявшихся на полу в кафе крышек от бутылок с газировкой окажется нечетным. И чай пил рядом с помощником сварщика, у которого пальто и свитер были одинакового, лилового цвета. А еще мне повезло: я смог составить ее имя из букв номеров машин первых пяти встреченных мной такси. Мне удалось задержать дыхание и пройти не дыша подземный переход в Каракее от входа до выхода. Я смог сосчитать до девяти тысяч, не сбившись, пока ходил по Нишанташы и рассматривал окна домов. Я перестал общаться с теми друзьями, которые не знали, что «Джанан» переводится как «возлюбленная» и является одним из имен Аллаха. Заметив, что наши с ней имена рифмуются, я представил, что заказал свадебные приглашения и украсил их милым стишком, точь-в-точь как на обертках от карамелек «Новая жизнь». Целую неделю мне удавалось угадывать, ошибаясь не больше чем на пять процентов, число светящихся окон, видневшихся ровно в три часа ночи из моего окна. Ровно тридцать девять человек слышали, как я прочитал наоборот, с конца, знаменитую мысру¹¹ из Физули:

Если нет Аллаха, душа не нужна,
Если нет возлюбленной, душа не нужна.

¹¹ *Мысра* – стихотворная строка.

Я ровно двадцать восемь раз звонил ей, изменив голос и представляясь чужим именем; каждый день я мысленно составлял ее имя из букв объявлений на стенах, афиш, мигавших неоновых вывесок и витрин закусовых, лотерейных касс и аптек и не возвращался домой без того, чтобы ровно тридцать девять раз не произнести «Джанан». Но Джанан не появлялась.

Однажды ночью я возвращался домой, проделав все ставшие обычными манипуляции по два раза, и у меня появилось ощущение, что я наконец дождался победы в игре цифр и случайностей, которая немного, пусть в мечтах, приблизит ко мне Джанан. И вдруг с улицы я увидел, что в моей комнате горит свет. Наверное, мама волнуется, что меня долго нет, а может, ищет что-то у меня в комнате... Но мне тут же представилась совсем другая картина.

Там, в комнате с большими, сейчас освещенными окнами, за столом я увидел самого себя. Я представил эту картину с такой страстью и силой, что, кажется, смог рассмотреть свою голову, видневшуюся на фоне грязной белой стены в ярко-оранжевом свете лампы. И в этот момент меня, словно молния, пронзило такое чувство свободы, что я растерялся. Оказывается, все очень просто, сказал я себе. Значит, нужно, чтобы тот, другой человек, на которого я смотрел сейчас со стороны, остался там, в комнате... А мне нужно было спрятаться от всего «моего»: от моей комнаты, дома, моих вещей и маминого запаха, от моей кровати, от всех двадцати двух

лет моей жизни. И новую жизнь я начну лишь тогда, когда выйду из этой комнаты, потому что и Джанан, и та прекрасная страна были настолько далеко, что я не смогу их найти, если утром буду выходить из своего дома, а вечером возвращаться назад.

Я вошел к себе, посмотрел на кровать, на книги, лежавшие на краю стола, на журналы с обнаженными красотками – к ним я давно не прикасался, потому что с тех пор, как увидел Джанан, ни разу не ласкал себя, – на картонку, которую я положил на батарею, чтобы подсушить на ней сигареты, на монетки и брелок в тарелке, на шкаф, у которого никак не закрывалась одна дверца, – я смотрел на вещи, привязывавшие меня к этому миру, так, будто они принадлежали кому-то другому. Я понял, что мне нужно бежать отсюда.

Позже, читая книгу и делая записи, я почувствовал – все, что я читаю и записываю, указывает на определенную закономерность и направленность Вселенной. Казалось, я должен быть не только здесь, я должен быть везде. Но моя комната – это «здесь», а не «везде»! Я сказал себе: «Незачем мне утром идти в Ташкышла, ведь Джанан туда не придет». И туда, где я искал ее, она тоже не придет, я ходил напрасно, больше не пойду. Теперь я пойду туда, куда меня поведет слово. И Джанан, и новая жизнь там. И пока я писал то, что сообщала мне книга, я с радостью чувствовал, что постепенно становлюсь другим человеком. Потом, просмотрев испи-санные страницы, я ясно увидел, кто тот новый человек.

Я и был человеком, понявшим, куда идти, — с каждым словом, переписанным из книги в тетрадь, я приближался к новой жизни. Я был тем, кто прочел книгу, тем, чья жизнь изменилась, тем, кто был влюблен, и тем, кто был на пути к новой жизни. Я был тем, кому мама, постучавшись перед сном в дверь, сказала: «Опять пишешь до утра, хотя бы не кури!» И я же был тем, кто встал из-за стола, когда ночные звуки стихли и слышался только вой и лай собак вдалеке, последний раз взглянул на книгу, которую читал уже много недель, и на тетрадь, куда писал с таким вдохновением. Именно я был человеком, доставшим со дна шкафа, из-под носков, накопленные деньги, тем, кто вышел, не выключая лампу у себя в комнате, и кто стоял перед спальней матери, с любовью слушая, как она дышит. Ангел, именно я был тем, кто глубоко ночью крался, растворившись в уличной тьме, трусливо убегая из родного дома, как из чужого. И я был тем, кто чужими глазами смотрел с улицы на светлые окна своей комнаты и плакал от одиночества и ощущения впустую потраченной жизни. И я был тем, кто бежал, бежал, бежал к новой жизни, взволнованно слушая эхо своих шагов, разносившееся в тишине.

Во всем квартале мертвенно-бледным светом горели только окна в доме дяди Рыфки. Я залез на забор их сада и сквозь приоткрытые занавески смотрел, как его вдова, тетя Ратибе, сидит и курит при тусклом свете. В одном сказочном комиксе дяди Рыфки смельчак-герой идет в поисках Золотой стра-

ны по печальным улицам, где прошло его детство, слушая зов темноты, голоса дальних стран, гул невидимых деревьев, и плачет, совсем как я. На мне было пальто отца, бывшего сотрудника Государственной железной дороги. Я двигался в самое сердце черной ночи.

Ночь укрыла меня, ночь спрятала меня, ночь показывала мне дорогу. Я вошел в медленно пульсировавшее чрево города, ступил на угловатые, словно парализованные бетонные улицы, на неоновые бульвары, дрожавшие от гула грузовиков с молоком, мясом и консервами. Я с уважением поклонился мусорным бачкам, вывалившим свой мусор из-под открытых крышек на мокрые мостовые, в которых отражались огни. Я спрашивал дорогу у страшных деревьев, все время менявших свой лик. Я подмигивал продавцам, считавшим выручку в магазинах. Я прятался от полицейских, стоявших на посту у входа в участки. Я грустно улыбался пьяницам, бродягам без роду и племени и безбожникам, ничего не знавшим о сиянии новой жизни. Я смотрел сумрачным взглядом на водителей такси, – словно преступники, которым не спится, они незаметно подкрадывались ко мне в безмолвии красного света светофоров. Я не верил красавицам, улыбавшимся мне с рекламных плакатов мыла, расклеенных по стенам. Я не верил ухоженным мужчинам с рекламных плакатов сигарет, статуям Ататюрка, завтрашним газетам, которые вырывали друг у друга пьяницы, не верил продавцу лотерейных билетов в ночном кафе, его приятелю, махнувшему мне

рукой: «Иди посиди с нами!» Запах чрева гниющего города привел меня на автовокзал, где пахло морем и котлетами, уборной и выхлопными газами, бензином и грязью. Чтобы окончательно не потерять голову, глядя на пластмассовые буквы указателей с названиями сотен городов и деревень, суливших мне новые страны, новые сердца, новые жизни, я вошел в маленькую закусочную. Сел за столик, боком к пирожкам, молочным киселям и салатам в холодильнике с широкой витриной, которым предстояло перевариться – кто знает, как далеко, за сколько тысяч километров отсюда и в чьих желудках. И тогда я забыл, чего ждал. Может быть, Ангел, я ждал, что ты меня тихо поманишь, нежно предостережешь и осторожно укажешь, куда идти. Но в закусочной не было никого, кроме матери с ребенком на руках и нескольких сонно жующих пассажиров, опоздавших на автобус. Я осматривался вокруг в поисках следов моей новой жизни. Одна надпись на стене гласила: «Свет – не игрушка», а другая – «Туалет платный», третья строго предупреждала: «Приносить с собой алкогольные напитки запрещается». Мне показалось, я увидел, как мимо окна пролетела ворона – ее крыло будто рассекло темноту. А еще мне показалось, что именно отсюда, из этого пункта отправления, последует моя смерть. Я хотел бы рассказать тебе, Ангел, о грусти этого ресторанчика, но я так устал, что мне казалось – я слышу гул столетий, шумевших, как никогда не засыпающие леса. Я любил буйную душу грохотающих моторов бесстрашных автобусов, отправ-

лявших в дальние страны, я слышал, как меня зовет Джанан, ищущая где-то далеко точку отсчета новой жизни, но голос ее был тихим-тихим... И я молчал, как покорный зритель, вынужденный смотреть фильм без звука, потому что я уронил голову на стол и заснул.

Сколько я проспал – не знаю. Проснулся я в той же закускойной, но передо мной сидели совершенно другие люди, и я почувствовал, что на этот раз смогу рассказать Ангелу о том, где находится пункт отправления в великое путешествие, что подарит мне невероятные минуты счастья. Три парня рядом со мной вслух пересчитывали деньги на билеты. Одиноким старик положил на стол рядом с миской супа пальто и полиэтиленовый пакет, ложкой перемешивая и вдыхая пряный аромат своей горькой жизни. В полутьме, у пустых столов, официант, зевая, читал газету. Я сидел у замерзшего окна высотой от потолка до грязного земляного пола, а за окном стояла темно-синяя ночь – и автобусы, шум моторов которых звал меня в далекую страну.

В один из этих автобусов я и сел наобум. Ночь была на исходе, вскоре стало светать, взошло солнце – и залило мне глаза светом и сном. Кажется, я заснул.

Я садился в автобусы, выходил из них, я бродил по автовокзалам; опять садился в автобусы, спал в них, и дни сменялись ночами; я снова и снова садился в автобусы, ехал, выходил в городах и деревнях. Я был там, где среди бела дня наступала ночь. И говорил себе я: сколь решителен этот мо-

лодой путник, что доверился дорогам, которые приведут его в ту неизведанную страну.

Однажды, Ангел, холодной зимней ночью я ехал в автобусе – в одном из тех, в которые садился каждый день, ехал, не зная куда, не зная, где нахожусь и откуда держу путь, ехал много дней и ночей, не знаю – долго ли, коротко ли, быстро ли, медленно ли. Свет давно погасили. Я сидел сзади, справа, в шумном и усталом автобусе, между сном и явью, я не спал, я грезил и был ближе к призракам во тьме за окном, чем к собственным снам. Из-под прикрытых век я смотрел на чахлое дерево в бесконечной степи, освещенной косившими фарами дальнего света нашего автобуса, скалу с рекламным щитом одеколона, столбы линии электропередачи, грозные огни проносившихся мимо редких грузовиков и одновременно смотрел фильм на экране телевизора, висевшего над креслом водителя. Когда говорила героиня, экран мутнел и становился лиловым, как пальто Джанан, – этот цвет когда-то проник мне в самое сердце, а когда говорил герой, суетливый парнишка, он становился бледно-голубым. Как всегда, я думал о тебе и вспоминал тебя, когда лиловый и бледно-голубой цвета вдруг объединились в рамке экрана. Но, увы, они не поцеловались.

Именно в тот момент, на третьей неделе моих путешествий, как раз в середине фильма, меня охватило поразительной силы беспокойство, чувство утраты, боль ожида-

ния... Я держал сигарету и стряхивал пепел в пепельницу, крышку которой скоро закрою резким ударом лба. Яростное, все усиливавшееся нетерпение, вызванное нерешительностью влюбленных, которые все никак не могли поцеловаться, превращалось в более глубокое и резкое чувство тревоги. Мне казалось, что приближается то самое истинное и сильное «нечто», кульминационная, напряженная тишина. Я услышал, как стонет во сне старик, дремавший рядом со мной, и повернулся к нему. Он сидел, прислонив лысую голову к темному, холодному, обледеневшему стеклу, и слегка покачивался. Сто километров и два маленьких, убогих, похожих друг на друга городка назад он рассказывал, какие страшные головные боли его мучают. Я предположил, что врач, с которым он собирался встретиться в больнице районного центра, где мы будем завтра утром, может быть, посоветует ему средство от опухоли – прикладывать голову к холодному стеклу, и, посмотрев на черную дорогу, опять сильно встревожился, чего со мной давно уже не было. Что со мной происходит, чего я так истово жду? Что за нетерпение овладело мной?

И вдруг что-то взорвалось с оглушительным грохотом. Я содрогнулся. Меня вышвырнуло из кресла. Я ударился о переднее сиденье, потом налетел на куски железа, жести, алюминия и осколки стекла, – эта сила швырнула меня на них с дикой яростью, и меня согнуло, разорвало, смяло. Но я тут же упал назад, а падая, увидел, что стал другим. И я вновь

оказался в том же кресле.

Автобус абсолютно изменился. Я задумчиво продолжал сидеть в своем кресле и сквозь синий туман видел, как место водителя и кресла за ним превращаются в осколки, растворяются и исчезают.

Так, значит, вот что я искал, вот чего желал! Как хорошо я знал то, что открыл в своем сердце: покой, сон, смерть и время! Я был и там, и здесь. Меня окружали покой и кровавая битва, беспокойная, как привидение, бессонница и нескончаемый сон, вечная ночь и стремительно убегавшее время. А потому я медленно поднялся с кресла – как в замедленной съемке – и прошел мимо трупa юного стюарда автобуса с распухшей рукой, переселившегося в страну мертвых. Из задней двери автобуса я попал в темный сад ночи...

В одном конце пустынного бескрайнего сада был асфальт, засыпанный разбитым стеклом, а в другом, невидимом мне, начиналась страна, откуда не было пути назад. Я бесстрашно направился прямо в сумрак бархатной ночи, веря, что этот край безмолвия и есть та страна, много недель являвшаяся мне в мечтах манящим, ласковым раем. Я шел наяву, но словно во сне; я точно шел, но – не касаясь земли. Может, у меня не было ног, а может, я уже не мог ничего вспомнить, потому что теперь я был только там. Только там – и только я сам. Оцепеневшее тело и оцепеневшее сознание: я полон, я переполнен собой.

Где-то в сердце райской темноты я присел на краю скалы,

потом лег. Надо мной – редкие звезды, рядом – настоящая скала. Я дотронулся до нее, чувствуя невероятное наслаждение от физического прикосновения. Говорят, в давние времена существовал такой мир, где прикосновение было прикосновением, аромат – ароматом, а звук – звуком. Звездочка, скажи, может ли то время, тот мир показаться этому? Я ведь видел в темноте собственную жизнь. Я ведь прочел книгу и нашел тебя. Если это и есть смерть, то я родился вновь. Потому что здесь и сейчас, в этом мире, я был совершенно новым существом – без прошлого, без воспоминаний. Я внимал зову безмолвия, зову, подобного которому никогда не слышал, и спрашивал себя: для чего все это – автобусы, города, ночи? Для чего все эти дороги, мосты, лица? Зачем это одиночество, нападавшее по ночам, точно стая хищных птиц? Зачем бесконечные пустые слова, зачем время, у которого нет возврата? Я слышу, как что-то потрескивает во Вселенной и как тикают мои часы. Время – тишина трех измерений, сказала книга. И я сказал себе: я умираю, так и не поняв, что такое эти три измерения, так и не постигнув жизнь, мир и книгу, я больше никогда не увижу тебя, Джанан. Так я разговаривал с новыми, совершенно новыми звездами, когда вдруг меня посетила простая мысль. Я, оказывается, был ребенком, настолько маленьким, что не мог еще умереть! И, ощущая тепло крови, капавшей со лба на холодные руки, я почувствовал счастье оттого, что прикасался к вещам, их запах и свет. Счастливый, я смотрел на этот мир и любил тебя, Джанан.

Позади, там, где я оставил несчастный автобус, на полной скорости врезавшийся в груженный цементом грузовик, висело цементное облако, напоминавшее волшебный купол, раскинувшийся над мертвыми и умиравшими. Из автобуса струился резкий синий свет. Злополучные пассажиры, оставшиеся в живых, и неудачники, которым вскоре предстояло умереть, осторожно, словно ступая на поверхность новой планеты, выходили через заднюю дверь автобуса. Мама, мама, вы остались – а я вышел; мама, кровь, точно мелкие монеты, оттягивает мои карманы... Я хотел поговорить с ними... С мужчиной в шапке – он полз по земле с пакетом в руках... С аккуратным солдатом, что, внимательно наклонившись, рассматривал дырку на штанах... Со старушкой, болтавшей взахлеб, так как ей представился удобный случай поговорить с самим Аллахом... Мне захотелось рассказать им о неповторимой и совершенной тайне времени. Ловкому страховому агенту, считавшему звезды, девушке, зачарованно смотревшей, как мать, рыдая, причитает над мертвым водителем, двум незнакомым усатым мужчинам, которые держались за руки, как влюбленные, и тихонько покачивались, танцуя от радости, что живы... Мне хотелось сказать им, что этот божественный момент свершения судьбы – милость, которую редко доводится получить при жизни таким рабам Создателя, как мы; а еще рассказать им, что ты, Ангел, показываешься лишь раз в жизни, в эти волшебные минуты под чудесным куполом из цементной пыли; и мне захо-

телось спросить у них: почему мы сейчас так счастливы? Вы, мать с сыном, крепко обнявшие друг друга, как беззаботные влюбленные, впервые в своей жизни плачете, не сдерживаясь, навзрыд; ты, милая женщина, только сейчас узнавшая, что кровь краснее помады, а смерть нежнее жизни; и ты, счастливая малышка с куклой, застывшая рядом с мертвым отцом, глядя на звезды... Скажите, кто дарует нам эту полноту, эту цельность, эту безупречность, это счастье? Внутренний голос произнес единственное: выход, выход... Но я уже понял, что теперь не умру. Пожилая женщина, которая умрет через несколько минут, повернулась ко мне и спросила, где помощник водителя, – ей хотелось прямо сейчас взять свои чемоданы, чтобы успеть утром на поезд, – лицо у нее было в крови. Ее окровавленный билет на поезд остался у меня...

Я вошел в автобус через заднюю дверь, стараясь не смотреть в глаза мертвых пассажиров с передних мест, прильнувших лицами к лобовому стеклу. Я услышал звук работавшего мотора – он напомнил мне жуткий рев двигателей тех автобусов, на которых я ездил. То, что я слышал, не было безмолвием смерти – ведь меня окружали живые голоса, перекикивавшие говорящих с призраками, воспоминаниями и желаниями. Стюард все еще держал бутылку с водой, спокойная мать с застывшими слезами на глазах держала сладко спавшего малыша. За окном стоял мороз. Я тоже сел, потому что почувствовал боль в ногах. Мой сосед по креслу,

страдавший головной болью, вместе с суетливой толпой с передних мест переселился из этого мира в мир иной, но продолжал терпеливо сидеть в кресле. Когда он спал, глаза у него были закрыты, а когда умер – открыты. Два человека каких-то – не знаю, откуда они взялись, – подняли на плечи и вынесли на холодный воздух чье-то окровавленное тело.

Именно тогда я обратил внимание на сказочную случайность или, если хотите, абсолютнейшую удачу: телевизор над водительским креслом остался цел и невредим, и влюбленные в фильме наконец-то обнимались. Я стер платком кровь со лба, лица и шеи, открыл пепельницу, которую только что захлопнул лбом, с чувством огромного счастья закурил сигарету и стал смотреть фильм.

Они целовались, снова и снова, они пили жизнь вместе с помадой из губ друг друга. Почему в детстве, когда шел фильм, во время сцен с поцелуями я сидел затаив дыхание? Почему я качал ногами и смотрел не на целующихся, а куда-то чуть выше их, на занавес? Ах, поцелуй-поцелуй! Как сладко было вспоминать вкус того «нечто», что коснулось моих губ в белом свете, струившемся из ледяного окна... Всего один поцелуй за всю жизнь. Я плакал, повторяя имя Джанан.

Когда фильм закончился, я увидел сначала огни, а потом и сам грузовик, который с почтением созерцал картину всеобъемлющего счастья на фоне замерзающих на морозе труб. В кармане пиджака моего соседа по креслу, все еще бес-

смысленно смотревшего на экран, я обнаружил огромный кошелек. Звали соседа Махмутом, фамилия – Махлер. Его документы. Армейская фотография его сына, похожего на меня. А еще очень старая газетная вырезка из «Почты Денизли»¹² за 1966 год о петушиных боях. Денег мне хватит на несколько недель, свидетельство о браке тоже может пригодиться. Благодарю.

В кузове грузовика, увозившего нас, предусмотрительных, живых, в ближайший населенный пункт, мы лежали рядом с терпеливыми мертвыми и, пытаясь сохранить тепло, смотрели на звезды. Звезды, казалось, говорили нам: «Успокойтесь! – будто мы не были спокойны. – Смотрите, как мы умеем ждать!» Пока я трясся в кузове, а мимо проносились торопливые облака, встревоженные деревья и бархатная ночь, я думал, что охватившее меня чувство безудержной радости – в полумраке, в обнимку с мертвецами – достойно сюжета отличного фильма, в котором с небес внезапно спускается любимый Ангел, счастливый и веселый, и посвящает меня в тайны моего сердца и тайны моей жизни. Однако ничего из того, что я видел в комиксах дяди Рыффы, не произошло. Так что я остался один на один с Полярной звездой, Большой Медведицей и числом π , считая ветви деревьев и столбы линии электропередачи, мелькавшие над нами. А потом я вдруг ощутил – и подумал: чего-то не хватает, этот миг не безупречен. В теле моем – новая душа,

¹² *Денизли* – город на юго-западе Турции.

передо мной – новая жизнь, в кармане – куча денег, на небе – новые звезды, и я обязательно отыщу то, чего мне не хватает, милая моя.

Чего не хватает в жизни?

Сейчас тебе могло не хватать ноги, сказала зеленоглазая медсестра, накладывавшая мне шов на колено. Мне велели сидеть спокойно. Ладно. Вы выйдете за меня замуж? Ноги целы, трещин нет. Нет? Ладно. А вы займетесь со мной любовью? И на лоб мне – несколько швов. От боли из глаз льются слезы. Я знаю, чего не хватает, я должен был понять это по кольцу на правой руке медсестры. Наверное, она обручена с кем-то, кто работает в Германии. Я стал новым, но не до конца. И я покинул больницу и сонную медсестру.

Я пришел в отель «Новый свет» во время утреннего азана¹³ и попросил у ночного портье самую лучшую комнату. В пыльном шкафу я нашел старый номер «Хюррийет»¹⁴ и, глядя на фотографии обнаженных девочек, немного поразвлекался. На страницах цветного воскресного приложения хозяйка ресторана в Нишанташы выставила напоказ свою мебель, сделанную на заказ в Милане, двух кастрированных котов и некоторые части своего пышного тела. Я заснул.

Городок Ширин-йер,¹⁵ где я пробыл около шестидесяти часов и где проспал в отеле «Новый свет» тридцать три ча-

¹³ Азан – призыв к мусульманской молитве, намазу.

¹⁴ «Хюррийет» – одна из центральных турецких газет.

¹⁵ Ширин-йер – букв. «приятное место» (тур.).

са, был таким же приятным местом, как и его название. 1. Парикмахер. У него на столике лежало мыло для бритья «ОПА» в упаковке из фольги. Пока я был в этом городе, его легкий ментоловый запах сохранялся у меня на щеках. 2. Читальный зал «Молодость». Задумчивые старики, раскладывая карточных пиковых и бубновых королей, поглядывали: на статую Ататюрка на площади, на тракторы, на немного прихрамывавшего меня; в постоянно включенный телевизор – на женщин, футболистов, преступников, мыло и на целующиеся парочки. 3. Мальборо. В табачном магазинчике с фирменной вывеской помимо сигарет продавались старые кассеты с фильмами про карате и эротику, билеты Национальной лотереи и спортлото, любовные и детективные романы, крысиный яд и настенный календарь с фотографией красивой девушки, похожей на мою Джанан. 4. Закусочная. Фасоль, котлеты. Хм, неплохо. 5. Почта. Позвонил домой. Нда. Мамы обычно ничего не понимают. Плачут. 6. Кофейня «Ширин-йер». Я сидел за столиком и еще раз с удовольствием перечитывал в газете «Хюррийет», которую два дня носил с собой, заученную наизусть маленькую заметку о нашей благословенной автокатастрофе – погибло двенадцать человек! – как вдруг у меня из-за спины, как тень, возник человек, лет тридцати пяти – сорока, похожий то ли на наемного убийцу, то ли на агента тайной полиции. Он вытащил из кармана часы, назвал мне их марку – «Зенит» – и вдруг прочитал стихи:

Почему же в песнях безумца
Вино пьют всегда не от смерти,
А только из-за любви?
Говорят в газете,
Что вы
Катастрофы вином той пьяны?

И, не дожидаясь моего ответа, вышел из кофейни, оставляя за собой шлейф запаха мыла для бритья «ОПА».

Во время прогулки, закончившейся на автовокзале, я подумал: почему в каждом симпатичном городке всегда есть свой счастливый сумасшедший? Этого любителя вина и поэзии не было видно ни в одной из двух пивных милого города, где я почувствовал пьянящую жажду, такую же сильную, как мысли о любви к тебе, Джанан. Сонные водители, усталые автобусы, небритые стюарды! Отвезите меня в ту неизвестную страну, куда я так хочу попасть! Отвезите меня к порогу смерти, где я, лишенный сознания, с окровавленной головой, смогу стать другим! Вот о чем я думал, когда покидал городок Ширин-йер на заднем кресле автобуса марки «Магирус» – с двумя швами на лбу и толстым бумажником погибшего человека в кармане.

О ночь! Длинная-предлинная ветреная ночь! Мимо темного зеркала моего окна пролетали деревни, черные загоны для скота, вечнозеленые деревья, печальные заправки, пустые рестораны, безмолвные горы, испуганные зайцы. Ино-

гда я подолгу смотрел на дрожащий вдалеке свет какого-нибудь домика, мечтал о жизни, каждое мгновение которой пройдет в лучах этого света, искал в той счастливой жизни место для себя и Джанан. Пока автобус постепенно отдалялся от дрожавшего луча света, я мечтал оказаться не в трясущемся кресле автобуса, а под крышей того дома. А иногда я засматривался на пассажиров автобусов, медленно проезжавших мимо меня на заправках, стоянках, перекрестках, на узких мостах, и представлял, что вижу среди них Джанан. Полностью отдаваясь фантазиям, я воображал, что догоняю этот автобус, прыгаю в него и обнимаю Джанан. Временами я чувствовал себя настолько уставшим и утратившим надежду, что мне хотелось оказаться на месте курившего за столом кафе человека, которого я видел через щелку в занавесках, когда ночью наш автобус проезжал по узким улочкам какого-то городка.

Но я-то знал, что по-настоящему мне хотелось быть в другом месте, в другом времени, в другом мире. Там, среди мертвых и умирающих свидетелей встречи случая и судьбы, в том мгновении счастья бытия, когда душа еще не решила – покинуть тело или остаться в нем... И перед прогулкой на седьмое небо, на пороге страны, откуда нет возврата, стараясь привыкнуть к ее сумрачному пейзажу из рек крови и груд битого стекла, я с удовольствием подумая: входить или не входить? Вернуться или уйти? Интересно, какие там, в той стране, рассветы? Интересно, как это – оставить свой

путь и исчезнуть в темноте бездонной ночи? Меня охватывала дрожь, когда я думал о стране, где властвует неповторимое время, и о том, что оставлю себя и буду другим и, может быть, буду с Джанан; швы у меня на ноге и на лбу начинали зудеть от нетерпения в ожидании невиданного счастья.

Эй вы, пассажиры ночных автобусов, вы, обиженные друзья мои! Я знаю, что вы тоже ищете время, где не будет притяжения Земли. Вы ищете его не для того, чтобы оказаться там или остаться здесь. Вы ищете его, чтобы стать другими и гулять в садах покоя, что меж двух миров. Я знаю, что болельщик в кожаной куртке едет не на утренний матч – он ждет автокатастрофы, чтобы превратиться в окровавленного героя в алых одеждах. Я знаю, что пожилая беспокойная дама, которая все время что-то достает из полиэтиленовой сумки и пихает в рот, едет не к своей сестре и племяннику, – она торопится к порогу иного мира. Инспектор кадастрового управления, который одним глазом смотрит на дорогу, а другим – в свои сны, ездит вовсе не с проверкой зданий в вилайете,¹⁶ – он ищет ту точку пересечения миров, где все строения станут историей. И я уверен, что влюбленный бледный лицеист на переднем сиденье мечтает не о своей возлюбленной, он мечтает о мощном ударе и страстном поцелуе с лобовым стеклом. Мы открываем глаза и, глядя в дорожную тьму, пытаемся понять, настал ли этот волшебный час. Всякий раз, когда шофер резко тормозит или автобус разго-

¹⁶ *Вилайет* – административная единица в Турции, область, район.

няется. Нет, опять не настал!

Я провел в автобусном кресле восемьдесят девять ночей, но так и не узнал, как пробьет этот счастливый час. Однажды автобус резко затормозил, и мы врезались в грузовик, груженный курами, но ни один сонный пассажир не пострадал – куры тоже. В другой раз, ночью, наш автобус легко скользил по обледеневшей дороге в пропасть, а я уже видел сияние Господа и предвкушал, что вот-вот познаю ту единственную тайну, что объединяла бытие, любовь, жизнь и время, как вдруг шутник-автобус завис во тьме, на краю.

Я где-то читал, что судьба не слепа, а невежественна. Судьба, думал я, – утешение тех, кто не знаком со статистикой и теорией вероятностей. Через заднюю дверь автобуса я спустился на землю, через заднюю дверь я вернулся в жизнь, через заднюю дверь я проник в кипучую жизнь автовокзалов: приветствую вас, продавцы семечек, кассет, уличного лото, полные мужчины с чемоданами в руках, пожилые дамы с полиэтиленовыми пакетами! Чтобы не поручать дело судьбе, я искал самые дряхлые и развалившиеся автобусы, я выбирал самые извилистые горные дороги, самых сонных водителей, самые ненадежные фирмы... «Быстрее ветра», «Поездка на лету», «Настоящее путешествие», «Экспресс-путешествие»... Стюарды бутылками лили мне на руки одеколон, но ни один лавандовый одеколон не пах так, как пахло лицо, которое я искал. Стюарды разносили маленькое печенье на подносах под серебро, но ни разу мне не попа-

лось такое печенье, которое давала к чаю мама. Я ел турецкие шоколадки без шоколада, но не испытывал удовольствия до дрожи в ногах, как в детстве. Иногда приносили корзиночки с разными конфетами и карамельками, но среди всяких «Фрутти», «Мабель» и «Голден» мне ни разу не попались любимые карамельки дяди Рыфки «Новая жизнь». Во сне я считал километры, а наяву видел грезы. Я съеживался в кресле, становился маленьким и, постепенно сжимаясь и сжимаясь, поднимал ноги на сиденье и фантазировал, что предаюсь любви с соседом по креслу. Проснувшись, я обнаруживал его лысую голову у себя на плече, а беспомощную руку – у себя в руке.

Каждую ночь я сначала исполнял роль осторожного человека, затем становился приятелем-собеседником очередного несчастливца, а к утру мы уже были такими близкими друзьями, что я хранил все его тайны. Курите? Куда едете? Чем занимаетесь? В одном автобусе я назвался молодым сотрудником страховой компании, путешествующим из города в город, а в другом, холодном как лед, – объявлял, что скоро женюсь на дочери моего дяди, которая почему-то вспомнилась мне. Я вел себя так, как ведут те, кто ждет появления НЛО, и однажды рассказал какому-то дедушке, что жду Ангела. В другой раз пообещал кому-то починить все его часы. «У меня – „Мовадо“, – сказал дяденька со вставной челюстью. – Идут исправно». Когда владелец исправных часов спал с открытым ртом, мне показалось, я услы-

шал тиканье точного механизма. Что такое время? Судьба, случай! Что такое жизнь? Время! А что такое несчастный случай? Жизнь, жизнь, новая жизнь! Итак, Ангел, повинувшись этой простой логике – поразительно, что ею раньше никто не пользовался, – я решил отправиться не на автовокзалы, я решил искать свою судьбу...

Я видел безжалостно проткнутых насквозь пассажиров передних мест автобуса, вероломно врезавшегося сзади в грузовик со строительным железом. Видел шофера, отправившего неуклюжий автобус в пропасть, чтобы не задавить кошку, – его труп был так зажат железом, что его не могли вытащить. Я видел разmozженные головы, разорванные тела, оторванные руки, внутренности водителей на руле, мозг, похожий на разбросанные капустные листья, окровавленные уши с сережками, разбитые и целые очки, зеркала, цветные кишки, заботливо разложенные на газете, расчески, раздавленные фрукты и монетки, выбитые зубы, детские бутылочки и ботинки; я видел души и предметы, освященные этим мгновением.

Однажды холодным весенним вечером я узнал в дорожной полиции в Конье, что недалеко от озера Туз-Гёлю, в безмолвной степи, лоб в лоб столкнулись два автобуса, и поспешил туда. Прошло полчаса с тех пор, как раздался грохочущий взрыв их счастливого и пылко́го слияния, но волшебство, что наполняет жизнь смыслом, ради которого стоит жить, все еще витало в воздухе. Я стоял среди машин по-

лиции и жандармерии, разглядывая черные колеса одного из автобусов, перевернувшегося от удара, и вдыхал приятный запах новой жизни и смерти. У меня дрожали ноги, шов на лбу ныл, но я решительно, словно опаздывал на какую-то встречу, шел во тьме, мимо растерявшихся выживших пассажиров.

Я поднялся в перевернутый автобус и с удовольствием пробирался среди сломанных кресел, наступая на очки, стекла, цепочки и фрукты, не выдержавшие земного притяжения и рассыпавшиеся по потолку, когда мне показалось, что я что-то вспомнил. Когда-то я был кем-то другим, и этот другой хотел стать мной. Когда-то давно я мечтал о жизни, где время мягко сгустилось, а цвета омывали бы мое сознание водопадом. Ведь мечтал, правда? Мне вспомнилась книга, оставленная мной на столе, — я подумал, что книга лежит и смотрит на потолок моей комнаты. Так мертвецы смотрят в небо. Я представил, как мама держит книгу, там, над моим столом, среди вещей моей прежней жизни, прерванной на половине. Я хотел сказать ей: мама, смотри, среди битого стекла, крови и трупов я ищу рубеж, откуда будет видна новая жизнь, но тут я заметил кошелек. Один из мертвецов перед смертью вскарабкался по креслу к окну и, вылезая наружу, случайно обронил кошелек, оставил его в подарок живущим.

Я взял кошелек, положил в карман. Но это было не то, о чем я только что вспоминал и не мог вспомнить. Я думал о

другом автобусе, видневшемся из-за нежных занавесочек на искореженных окнах, и читал надпись на нем. Буквы были красного и мертвенно-синего цвета. Она гласила: «Удачное путешествие».

Я выпрыгнул из разбитого окна и, наступая на окровавленные осколки стекол, побежал туда, мимо трупов, еще не увезенных полицией. Если я не ошибся, это был тот самый автобус, который шесть недель назад доставил меня целым и невредимым из какого-то заштатного городка в маленький темный поселок. Через разбитую дверь я вошел внутрь старого знакомого, сел в кресло, в котором ехал шесть недель назад, и стал ждать чего-то. Чего я ждал? Может быть, ветра? Может быть, назначенного часа, а может, какого-то странника? Сумрак постепенно отступал, и я почувствовал, что в других креслах сидят люди, живые и мертвые. Я слышал, как они призывали неведомых духов, до хрипоты спорили со смертью о рае, разговаривали с красавицами из своих ночных кошмаров. А затем мое чуткое сердце заметило нечто более важное: я посмотрел на то, что когда-то было водителем, — там не было ничего, кроме приемника: среди криков, хрипа, плача на улице, вздохов и дуновений легкого ветра звучала музыка.

На мгновение настала тишина, а свет стал усиливаться. В облаке пыли виднелись счастливые призраки умерших и умиравших. Путник, ты прошел столько, сколько смог! Но я думаю, ты сможешь пройти еще! Ведь ты не знаешь, есть ли

за дверью, перед которой ты стоишь, сад, а за ним еще одна дверь, а за ней еще один сад, где смешались смерть и жизнь, смысл и действие, случайность и время, свет и счастье. Ты не знаешь, наступит ли этот миг, и пребываешь в сладостном предвкушении... Внезапно меня снова охватило желание оказаться и там, и здесь. Кажется, я услышал какие-то слова, я почувствовал озноб, и тут вошла ты, моя красавица, моя Джанан, – ты была в том же светлом платье, в котором я видел тебя в последний раз в коридоре Ташкышла. Твое лицо было в крови.

Я не спросил: «Что ты здесь делаешь?» И ты не спросила: «А ты?» – потому что нам обоим все было ясно.

Я взял тебя за руку и усадил на сиденье рядом с собой, в кресло под номером тридцать восемь, и нежно отер тебе кровь со лба и лица носовым платком в клетку, купленным в городе Ширин-йер. А потом, моя милая, я взял тебя за руку и мы долго сидели молча. Светало, пришли спасатели, а из приемника погибшего водителя звучала наша песня.

Мы уехали первым же автобусом из мертвого города Мевляны,¹⁷ где бродили по голым улицам мимо низких заборов и темных домов. Мы уехали после того, как в муниципальной больнице Джанан наложили на лоб четыре шва. Я помню следующие три города: город печных труб, город чечевичного супа и город – столицу плохого вкуса. А потом нас носило из города в город, мы засыпали и просыпались в автобусах, все слилось воедино. Я видел стены с осыпавшейся штукатуркой, где до сих пор висели афиши о концертах ныне дряхлых певцов, сохранившиеся со времен их молодости; мосты, смытые весенним селем, переселенцев из Афганистана, продававших Священный Коран размером с большой палец. Наверное, я видел что-то еще на фоне каштановых волос Джанан, рассыпавшихся по моим плечам. Например, толпы на автовокзалах, лиловые горы, рекламные щиты, веселых собак на окраинах городков, игриво бежавших за нашим автобусом, нищих торговцев, продававших свои товары в автобусах. Иногда на маленьких стоянках, когда Джанан теряла надежду найти новые следы своих, как она говорила, «расследований», она накрывала на наших коленях обеденный стол:

¹⁷ Мевляна Джеляледдин Руми (1207–1273) – великий персидский поэт-суфий, философ, основатель дервишского ордена Мевлеви, центр которого находился в Конье.

яйца вкрутую, пироги, очищенные огурцы и необычные, выпущенные в провинции – я видел такие впервые – бутылки с газировкой. Потом наступало утро, за ним – ночь, и снова пасмурное утро; автобус переключал скорость, нас укрывала ночь – темнее самой темной тьмы, экран над водительским креслом светился красно-оранжевым светом цвета дешевой помады, и тогда Джанан заводи́ла свои рассказы.

«Связь» Джанан и Мехмеда – она употребила именно это слово – началась полтора года назад. Кажется, вспоминала она, она вроде бы видела его и раньше в толпе студентов архитектурного факультета, но по-настоящему обратила на него внимание, увидев его за стойкой портье в отеле недалеко от площади Таксим, куда пошла навестить своих родственников, приехавших из Германии. Однажды поздней ночью она оказалась в холле отеля с родителями, и ей запомнился высокий бледнолицый стройный человек за стойкой. «Наверное, потому что я никак не могла понять, где видела его раньше», – нежно улыбнулась мне Джанан, но я-то прекрасно понимал, что это было не так.

Потом она увидела его осенью, в Ташкышла, как только начались занятия, и вскоре они «влюбились» друг в друга. Они подолгу бродили вместе по улицам Стамбула, ходили в кино, часами сидели в студенческих столовых и кофейнях. «Сначала мы ни о чем особенно не разговаривали», – говорила Джанан серьезным голосом. О серьезных вещах она всегда говорила серьезно. Но не потому, что Мехмед стес-

нялся или не любил разговаривать. Чем больше она его узнавала, чем больше делила с ним жизнь, тем лучше понимала, каким он может быть пробивным, решительным, разговорчивым и даже агрессивным. Однажды ночью, глядя не на меня, а на экран телевизора, где шла погоня, она сказала: «Он молчал из-за грусти». А потом добавила: «Из-за печали», — и, кажется, слегка улыбнулась. Полицейские машины, мчавшиеся куда-то на экране, падали с мостов в реки и, обгоняя друг друга, сталкивались, превращаясь в груды железа.

Джанан пыталась прогнать эту грусть, эту печаль, ей даже отчасти удалось проникнуть в скрытную жизнь Мехмеда. Сначала Мехмед заговорил о какой-то своей прежней жизни, когда он был другим, об особняке где-то в провинции. Потом он осмелел и сказал, что оставил ту жизнь в прошлом, а теперь хочет начать новую жизнь и что прошлое не имеет для него никакого значения. Некогда он был другим человеком, но потом он изменился. А раз уж Джанан знакома с этим новым человеком, то она должна общаться именно с ним, оставив его прошлое в покое. Все его страхи выросли не из старой жизни, а из новой. Однажды, когда мы, споря, на какой автобус нам сесть, сидели на темном автовокзале за столиком, на котором стояла банка консервов «Отечество» десятилетней давности, которую Джанан откопала в бакалейной лавке на рынке полуразвалившегося городка, и лежали шестеренки часов, найденные ею в старой часовой мастерской, и детские комиксы, вытащенные с пыльных по-

лок в киоске спортлото, Джанан сказала: «Эту жизнь Мехмед нашел в книге».

Так мы впервые заговорили о книге – спустя ровно девятнадцать дней с того момента, как встретились в разбитом автобусе. Джанан рассказала мне, что Мехмеда было так же трудно заставить говорить о книге, как и о его прошлом, о причинах его грусти. Иногда она настойчиво просила у него эту книгу, эту волшебную, загадочную вещь, когда они печально бродили по стамбульским улочкам, пили чай в кафе на Босфоре или вместе делали домашние задания, но Мехмед всегда резко отказывал. Он говорил, что будет огромной ошибкой, если такая девушка, как Джанан, просто представит себе эту страну убийц, разбитых сердец и потерянных душ; что книга поведала ему, что в образе утративших надежду привидений, там, в сумраке той страны, бродят неприкаянные Смерть, Любовь и Страх.

Но Джанан, проявив упорство, дала понять Мехмеду, что его отказ ее очень огорчает и отдаляет от него. Ей удалось его убедить. «Возможно, тогда ему хотелось, чтобы я прочитала книгу и избавила его от ее волшебного и отравляющего воздействия, – сказала она. – И потом, я была уверена, что он меня очень любит». И когда наш автобус стоял на железнодорожном переезде, добавила: «А может быть, он подсознательно мечтал, что мы сможем вдвоем отправиться в этот мир, все еще живший в его сознании». Грузенные пшеницей, машинами и стекольной крошкой вагоны товарного по-

езда-ворчуна, похожие на сумрачные грузовые составы, проносившиеся с гудением каждую ночь по нашему кварталу, проезжали мимо окон автобуса, словно призраки из другой страны...

Мы очень мало говорили с Джанан о том влиянии, которое оказала на нас эта книга. Оно было настолько сильным, что не подлежало обсуждению, настолько устойчивым, что разговор обернулся бы пустой болтовней. Книга была незыблемой основой нашей жизни, такой же потребностью, как солнце и вода, необходимость которых не имело смысла обсуждать. Мы отправились в дорогу благодаря ее свету, озарившему наши лица, и мы старались идти по этому пути, доверяя интуиции.

Мы часто подолгу спорили, на какой автобус нам сесть. Однажды мы услышали объявление из репродуктора в зале ожидания автовокзала, напоминавшего ангар (великоватый для такой деревни!), и Джанан очень захотелось оказаться там, куда пойдет этот автобус, и, несмотря на мои возражения, мы поехали. В другой раз мы сели в автобус вслед за молодым парнем с маленьким пластмассовым чемоданчиком – его провожали заплаканная мать и куривший сигарету отец – только потому, что он ростом, походкой и манерой слегка сутулиться очень напоминал Мехмеда. Мы сели в этот автобус (надпись на его боку утверждала, что по скорости он не уступает «Турецким авиалиниям»), чтобы спустя три поселка и две реки посмотреть, как парень сойдет на полпу-

ти и направится в казармы, окруженные колючей проволокой, сторожевыми вышками и забором с огромной надписью: «КАКОЕ СЧАСТЬЕ БЫТЬ ТУРКОМ, ТУРКОМ, ТУРКОМ!» Мы садились с ней в разные автобусы, державшие путь в самое сердце степи, – иногда только потому, что Джанан нравился их цвет, красно-черепичный и зеленый, или, например, потому, что ножка в букве «Р» из надписи «Быстрая молния» на боку автобуса при большой скорости казалась тоньше, дрожала, а потом – вот это да! – вдруг делала резкий зигзаг, словно разряд молнии. Когда расследование Джанан в пыльных городках, на грязных автостоянках и сонных рынках, где мы оказывались, заходило в тупик, я спрашивал ее, куда и для чего мы едем, напоминал, что деньги, которые я брал из кошельков погибших пассажиров, кончаются, и делал вид, будто пытаюсь понять нелогичную логику нашего расследования.

Джанан не удивилась, когда я сказал ей, что видел из окна в Ташкышла, как стреляли в Мехмеда. По ее мнению, жизнь полна predetermined встреч, которые дураки с неразвитой интуицией называют «случайностями». Вскоре после того, как в Мехмеда стреляли, Джанан поняла по поведению продавца гамбургеров из лавки напротив, что происходит что-то необычное; она вдруг вспомнила, что слышала выстрелы, и, предчувствуя беду, побежала к раненому Мехмеду. А тот факт, что они оказались в морском госпитале Касымпаша, был такой же «случайностью», как и то, что води-

тель их такси какое-то время назад нес там военную службу. Рана на плече у Мехмеда была неопасной, через три-четыре дня его должны были выписать. Но когда утром на следующий день Джанан пришла в больницу, она увидела, что он сбежал. Так она поняла, что он исчез.

«Я сходила в отель, потом несколько раз зашла в Ташкышла, заглянула в его любимые кафе и даже ждала его звонка дома, прекрасно зная, что жду напрасно, – проговорила она с хладнокровием, восхитившим меня. – И я поняла, что он ушел туда, в ту страну, он давно вернулся в книгу».

Я был для нее просто «попутчиком» в этом путешествии в ту страну. Мы были друг другу «опорой и поддержкой» на пути к открытию того мира. Было бы верным полагать, что на пути в новую жизнь две головы лучше, чем одна. Мы были не столько «попутчиками», сколько закадычными друзьями; мы поддерживали друг друга, не ожидая ничего взамен; мы были способны на различные выдумки, как Мари и Али, которые разжигали огонь стеклами очков; и мы недели напролет бок о бок сидели в ночных автобусах, прижавшись друг к другу.

Иногда по ночам, когда в автобусе стихал грохот выстрелов и взрывавшихся вертолетов второго по счету фильма, и мы, усталые и оборванные странники, мерно покачиваясь, отправлялись в путь, где не сыскать покоя, я просыпался и долго смотрел на тихонько спящую у окна Джанан: она спала, прислонившись к импровизированной подушке из окон-

ных занавесок, а ее каштановые волосы, сбившись в узел, спадали на плечи. Бывало, красавица моя вытягивала тонкие нежные руки и клала их на мои нетерпеливые колени, а иногда подкладывала одну руку себе под голову, поверх скомканных занавесок, а второй изящно поддерживала ее под локоть. Всякий раз, когда я заглядывал ей в лицо, я почти всегда видел в нем боль, заставлявшую ее хмурить брови, и, нахмурившись, она словно задавала какой-то вопрос, который тревожил и меня. Еще я видел свет на ее бледных щеках и мечтал о бархатном рае, где распускаются розы, садится солнце, а веселые, озорные белки кувыркаются на закате, маня в чудесную страну, где ее тонкая нежная шея встречается с изящным подбородком, или в недостижимые края у нее под волосами на затылке. Я видел эту золотую страну, когда она чуть-чуть улыбалась во сне, на ее лице, на ее полных нежно-розовых губах, иногда обветренных. И тогда я говорил себе: я никогда не знал, никогда не читал и нигде не видел, как же это прекрасно, Ангел, – смотреть, как спит твоя любимая.

Мы с ней говорили и об Ангеле, и о Смерти, казавшейся нам его сводной старшей сестрой, важной и рассудительной, но слова эти были такими же бедными и хрупкими, как те старинные невзрачные вещицы, что Джанан, поторговавшись, покупала на бакалейных лотках, в лавке скобяных изделий, у сонных галантерейщиков, а потом, погладив и повертев в руках какое-то время, забывала в кафе на автовок-

залах или на сиденьях автобусов. Смерть была везде и особенно – Там, в Том Море, потому что она была его порождением. А мы искали знаки и нити Того Мира, чтобы попасть туда и встретиться с Мехмедом. Об этих знаках мы узнавали из книги, так же как и о том, что неповторимый момент авткатастрофы – это порог, откуда виден иной мир; мы узнавали из нее о карамельках «Новая жизнь», об убийцах, которые могли прикончить Мехмеда, а может, и нас; об отелях, у входа в которые я замедлял шаги; о долгом молчании и долгих ночах, о тусклых огнях ресторанов. И вот что я должен сказать: прочитав обо всем этом, мы сели в автобус и отправлялись в дорогу. Иногда еще не успевало стемнеть, еще стюарды собирали билеты, пассажиры знакомились друг с другом, а дети и беспокойные взрослые смотрели на гладкий асфальт горной дороги, словно на экран в кинотеатре, как в глазах Джанан вспыхивали огоньки и она начинала рассказывать.

«Когда я была маленькой, – сказала она однажды, – я вставала по ночам с кровати, слегка раздвигала занавески и смотрела на улицу. По улице обязательно кто-нибудь шел – какой-то пьяный, или горбун, или толстяк, или сторож. И всегда это были мужчины... Мне становилось страшно, но я хотела быть там, на улице.

Других мужчин – это были друзья моего брата – я узнала на даче, летом, когда играла в прятки. А еще в школе, когда они вытаскивали что-то из ящичков парт и рассматрива-

ли. Или когда была совсем маленькой: они начинали дергать ногами, если им внезапно, прямо посреди игры, хотелось в туалет.

Мне было девять лет, я упала на берегу моря и разбила коленку. Мама плакала. Мы отправились к гостиничному доктору. „Какая милая девочка, какая хорошая, какая умная“, – говорил он, заливая ранку перекисью. Доктор смотрел на мои волосы, и я поняла, что понравилась ему. У него был обворожительный взгляд, который, казалось, смотрел на меня из другого мира. Он слегка щурился, словно сонный, но все равно – видел все, всю меня.

Взгляд Ангела везде, во всем, он присутствует всегда... А нам, бедным людям, всегда не хватает этого взгляда. То ли потому, что мы забыли его, то ли воли у нас не стало и мы не можем любить жизнь? Я знаю, что однажды, однажды днем или ночью, я увижу его из окна автобуса и посмотрю ему в глаза. И чтобы суметь посмотреть ему в глаза, надо уметь видеть. Все эти автобусы в конце концов привозят именно туда, куда надо. Я верю в автобусы. А в Ангела верю иногда. Нет, всегда. Да, всегда. Нет, иногда.

Я прочитала в книге об Ангеле, которого ищу. Там он казался чьей-то чужой мыслью, но он стал мне близок. Я знаю – когда увижу его, мне внезапно откроется тайна жизни. Я чувствовала его присутствие в местах аварий и в автобусах. Все сбывается, как и говорил Мехмед. И куда бы ни пошел Мехмед, вокруг него всегда сияет смерть. Знаешь, это, на-

верное, потому, что он несет в себе книгу. Но я слышала, что в разбитых автобусах, после аварий, люди, ничего не знавшие ни о книге, ни о новой жизни, говорили что-то об Ангеле. Я иду по его следам. И собираю знаки, которые он оставил.

Однажды дождливой ночью Мехмед сказал мне, что те, кто хочет его убить, начали действовать. Они могут быть везде, может, даже сейчас нас слушают. Не пойми неправильно, но, может, ты – один из них. Как правило, люди делают совсем не то, что думают или полагают, что делают. Тебе кажется, ты идешь в ту страну, но ты возвращаешься к самому себе. Ты думаешь, что читаешь книгу, а ты ее только переписываешь. Когда тебе кажется, что ты помогаешь, – ты вредишь... Большинство людей на самом деле не хотят ни новой жизни, ни нового мира. Поэтому автора книги убили».

Об авторе книги, о том старике, которого считали писателем, Джанан говорила слегка загадочно, так, что я начал волноваться, но не из-за самих слов, а из-за таинственного тона, которым они были сказаны. Она сидела на одном из передних кресел новенького автобуса, смотрела на белую разметку, сиявшую на асфальте, а в лиловой ночи почему-то совсем не было видно огней других автобусов, грузовиков, легковых машин.

«Я знаю, что Мехмед встречался со стариком-писателем, и они понимали друг друга по глазам, без слов. Мехмед очень долго его искал. Они встретились, но разговаривали

мало, больше молчали, хотя обсудили кое-что. Старик написал книгу в молодости, или он считал молодостью то время, когда написал ее. Как-то он сказал с грустью: „Книга осталась в моей юности“. А потом старику стали угрожать и заставили отказаться от того, что он написал собственной рукой, от того, что было у него на сердце. В этом нет ничего удивительного... И в том, что его в конце концов убили, тоже... И в том, что после убийства старика пришла очередь Мехмеда... Но мы найдем его раньше убийц... Вот что важно: люди, которые читают книгу, верят ей. Я встречаю их, когда иду по городам, автовокзалам, мимо магазинов, по улицам, я узнаю их по глазам, я знаю их. У тех, кто читал книгу и поверил ей, совершенно другие лица. В их глазах – стремление и грусть, когда-нибудь ты это заметишь, а может, уже заметил. Если ты постиг тайну книги и идешь к ней, жизнь прекрасна».

Она рассказывала, когда мы сидели где-нибудь в тоскливой, полной комаров закуской при ночлежке на окраинах города и курили, пили бесплатный чай, налитый нам среди ночи сонным официантом, или помешивали клубничный компот, пахнувший пластмассовым стаканчиком. Когда мы тряслись на передних сиденьях какого-нибудь тархтевше-го развалюхи-автобуса, я смотрел на красивые полные губы Джанан, а она – на кривые лучи фар проезжавших мимо редких грузовиков. А когда ждали автобуса, сидя на автовокзале в толпе с узлами, полиэтиленовыми сумками и картонны-

ми чемоданами, Джанан вдруг вставала прямо посреди рассказа и исчезала, оставляя меня одного в холодном как лед одиночестве среди толпы.

Иногда минуты казались часами, а когда я находил ее в лавке старьевщика, в одном из переулков городка, где мы ждали очередного автобуса, – она с сомнением рассматривала какую-нибудь кофемолку, или разбитый утюг, или угольную печку. Иногда она поворачивалась ко мне с загадочной улыбкой и читала смешные объявления из провинциальной газеты о мерах, принятых муниципалитетом для того, чтобы животные, возвращавшиеся по вечерам в хлева, не проходили по главному проспекту городка, и о последних новинках, поступивших в магазин «Ай-газ» из Стамбула. Часто я видел ее в толпе, где она с кем-нибудь болтала: подолгу беседовала с немолодыми женщинами в платках, брала на руки и целовала их маленьких дочек, некрасивых, как гадкие утята; помогала сориентироваться на автовокзале и в маршрутах автобусов благоухавшим пенкой для бритья «ОПА» сомнительным незнакомцам. Я, смущаясь, поспешно подходил к ней, и тогда она говорила: «Вот эту женщину должен был встретить здесь сын, вернувшийся из армии, но в автобусе из Вана его не оказалось», – словно мы путешествовали для того, чтобы избавлять людей от подобных проблем. Мы узнавали для других расписание автобусов, меняли им билеты, успокаивали плачущих детей, присматривали за узлами и чемоданами тех, кто пошел в туалет. Однажды одна полная те-

тушка с золотыми зубами сказала: «Да благословит вас Аллах! – и, повернувшись ко мне, с выражением одобрения добавила: – Слава богу, у тебя очень красивая жена, ты это знаешь?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.